

ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. Н. ТОЛСТОГО

ПИСЬМА к Н. В. КРАНДИЕВСКОЙ-ТОЛСТОЙ 1914—1940 гг.

Предисловие и публикация *Е. Ю. Литвин*

Наталия Васильевна Крандиевская-Толстая (1888—1963) — поэтесса, автор сборников стихов, выходивших с 1913 г.¹, и мемуаров, среди которых важнейшее место занимают ее воспоминания об А. Н. Толстом².

Впервые Крандиевская и Толстой встретились в 1906 г. в Петербурге. Близкое их знакомство состоялось в Москве в 1913 г. В декабре 1914 г. Наталия Васильевна стала женой писателя; их совместная жизнь продолжалась до августа 1935 г. Наталия Васильевна всегда была верной помощницей мужа, первым читателем и строгим критиком его сочинений. В этот период жизни Толстой создал лучшие свои произведения: «Сестры», «Восемнадцатый год», «Детство Никиты», «Петр Первый», великолепные рассказы о гражданской войне и пэпе.

Крандиевской посвящена первая часть «Хождения по мукам» — роман «Сестры»; она была прототипом многих героинь произведений Толстого («Хождение по мукам», «Для чего идет снег», «Любовь», «Невеста», «Наташа» и др.). Ее образ поэтически-проникновенно воссоздан в дневниковых записях Толстого разных лет (см. в наст. книге дневники писателя) и в письмах к ней, особенно ранних, нашедших прямой отклик в его творчестве.

В письмах к жене предстает перед читателем неведомая ранее сторона жизни художника. Масштабность личности Толстого дополняется в них красками живой жизни. Эти письма удивительны по искренности, свежести, чистоте чувств, мыслей, переживаний. «...Сейчас ночью читаю твои стихи — ты жизнь, мука, свет мой темный и ясный, с тобою бессмертие, вечное странствие, без тебя я труп. Жизнь моя, любовь, душа моя. Ты наполняешь меня болью и трепетом. Никогда так ни страдал, ни любил, ни терпел. Все, что есть живое на земле, все только соп. Ты одна живая. Ты тело и дух и то, для чего я живу»³ — такую надпись сделал Толстой в 1918 г. на книге стихотворений Крандиевской, надпись, ставшую своего рода лейтмотивом их переписки на протяжении многих лет.

Наталия Васильевна не уступала Толстому в тонком, поэтическом восприятии мира. «Моя мать была поэтом. Ее поэтическое призвание обусловило все, произошедшее с ней, и то, как это происходило, — вспоминал младший сын Толстого и Крандиевской Д. А. Толстой. — Юность ее была юностью поэта, любовь к моему отцу от начала до конца была любовью поэта, и ста-

рость ее не изменила,—она продолжала до последних дней жить, чувствовать и мыслить как поэт»⁴.

Весной 1945 г. Н. В. Крандиевская начала работу над воспоминаниями о Толстом. Уже тогда близкие Алексею Николаевичу люди, в частности, В. Д. Бонч-Бруевич, активнейшим образом поощряли ее к этой работе. В письме от 9 июля 1945 г. Владимир Дмитриевич писал: «Как хорошо, что Вы продолжаете писать Ваши воспоминания. Это чудесно! Как бы я хотел их прочесть. Вы так хорошо, так выпукло и так душевно их пишете. Пишите, пишите, и пишите все до конца и всю правду, обо всем, обо всех и об окружении... Ведь эпоха-то какая! Люди-то какие, с кем Вы оба так много проводили времени!»⁵. В письме от 10 ноября 1945 г. Бонч-Бруевич назвал эту работу Крандиевской ее «самой главной работой в жизни»⁶.

Мемуары Наталии Васильевны стали ценнейшим источником для каждого, кто хочет узнать, по ее выражению, «правдивую повесть» о писателе, его литературном и человеческом окружении. Главным их достоинством является то, что они написаны человеком, духовно близким Толстому.

Н. В. Крандиевская пережила Толстого на 18 лет. Прекрасно понимая, какое огромное значение для истории литературы имеют его документы и письма, она в 1949 г. передала всю свою эпистолярную коллекцию и «Воспоминания» в Отдел рукописей ИМЛИ.

Письма Толстого к Н. В. Крандиевской представляют собой наиболее значительную часть эпистолярного наследия писателя. Всего сохранилось 176 писем Толстого, из них в настоящем издании публикуется 39 писем, имеющих наибольшую историко-литературную ценность. Письма публикуются по подлинникам, хранящимся в Отделе рукописей ИМЛИ (фонд 43, оп. 4, № 98—113).

¹ Стихотворения. М.: Изд-во К. Ф. Некрасова, 1913; Стихи: Книга вторая. Одесса: Омфалос, 1919; От лукавого. М.; Берлин: Геликон, 1922; Вечерний свет. М.: Сов. писатель, 1972.

² Я вспоминаю. Л.: Прибой, 1959; Воспоминания. Л.: Лениздат, 1977.

³ Надпись сделана Толстым на книге Крандиевской «Стихотворения» (ИМЛИ, ф. 43, № 7107).

⁴ Толстой Д. А. Начало жизни.— Нева, 1971, № 1, с. 125.

⁵ «Помните наставников ваших»: А. Н. Толстой и В. Д. Бонч-Бруевич/Публикация Е. Ю. Ляввин.— Лит. обозрение, 1982, № 12, с. 102.

⁶ Там же, с. 101.

1

7(20) декабря 1914 г, Москва

Наташа, душа моя, возлюбленная моя, сердце мое, люблю тебя навек. Я знаю — то, что случилось сегодня,—это навек. Мы соединились сегодня браком. До сих пор я не могу опомниться от потрясения, от той силы, какая вышла из меня, и какая вошла из тебя ко мне. Я ничего не хочу объяснять, ничему не хочу удивляться. Я только верю всем моим духом — что нас соединил брак, и навек. Я верю, что для этого часа я жил всю свою жизнь. Так же и ты, Наташа, сохранила себя, всю силу души для этого дня. Теперь во всем мире есть одна женщина — ты. Я понял, теперь только почувствовал силу твоей женственности. Душа твоя белая, ясная, го-

рячая; женственность твоя глубокая и томительная, она потрясает медленно и до конца. Но я знаю, что мы едва только коснулись любви. Как странно — нас обвенчал Дух Святой в автомобиле, ты уехала одна, сейчас спишь, наверно, милочка, и нам назначено перед тем как соединиться навек, окончить тяжелые житейские дела. Думаю — такой свадьбы еще не было. Когда мы соединимся, мы опять сойдем на землю, но преображенные, и земля будет чудесной для нас, и мы будем казаться чудесными людям. Мы возьмем от любви, от земли, от радости, от жизни все, и, когда уснем до нового воскресения, то после нас останется то, что называют — чудом, искусством, красотой. Наташа, душа моя, милая моя женщина. Прости за весь сумбур, который я написал, — но мне хочется плакать от радости. Я тебя люблю, желаю тебя, ты осуществилась наяву, печаянно, как молния вошла в меня. Жду твоего письма. Люблю тебя. Прошу — ничего не говори, я боюсь, он¹ тебя убьет, сам этого не желая.

Целую тебя нежно, всю.
А. Толстой

Впервые (частично): ЖЗЛ, с. 131.

Датируется по биографической заметке Крандиевской (1948 г.): «Началом моего брака с А. Н. Толстым я считаю 7 декабря 1914 года (подчеркнуто Н. В. Крандиевской. — Е. Л.). Церковным же браком мы были повенчаны только в 1917 году в мае месяце, после моего развода с первым мужем присяжным поверенным Ф. А. Волькенштейном. Шаферами нашими были: проф. Каллаш, писатель Новиков, философ Рачинский и Мусин-Пушкин, друг Алексея Николаевича» (Автограф. — ИМЛИ, ф. 543, оп. 1, № 1, л. 19).

¹ Имеется в виду муж Н. В. Крандиевской Ф. А. Волькенштейн.

2

8—9(21—22) декабря 1914, Москва

Моя нежная Наташа, весь день сегодня — как сон, томительный и радостный. Ты вошла в меня вся, со своими звездными мыслями, с маленькими ножками; имя твое — Наташа — стало как заклинание. Я хочу радости и счастья, дай мне их, а я твой весь. Я не причиню тебе боли, никогда — пусть, если нужно страдание — дает его нам жизнь, но я только благословляю твой приход ко мне; если нужно заслужить тебя, — я заслужу, но никогда не огорчу тебя. Если к тебе будут приходить сомнения или неверные мысли — гони их. Будь уверена во мне, как я в себе теперь уверен. Между нами произошло то, что нельзя понять, нельзя измерить, нельзя определить, а можно только верить в это всем духом своим. Любовь раскрыла нам истинное, единственное свое значение.

Я пишу тебе и чувствую, что, быть может, грешно писать обо всем этом, но мне так хочется выразить, как я тебя люблю.

Я уже решил — в четверг — эти три дня я буду работать с утра до вечера, билет куплю заранее — поеду в Петербург, так мне легче, если я знаю, что еду в четверг. Наташа, пойми, — это счастье... Оно не померкнет и не может никогда померкнуть, потому что Любовь между мной и тобой вся в движении, она на единственном,

только одном, пути, которому нет конца, все же другие — возвращаются к своему началу.

Люблю тебя, целую тебя всю, любовь моя, навек, Наташа.

А. Толстой

Наташа, милая, я буду потом писать тебе, наверно, и яснее, и лучше, но только не думай — во мне нет хаоса, но только все это не укладывается в слова.

Пиши мне, ради бога, я жду завтрашнего дня, твоего письма. Погляди на себя в зеркало и пойми — я тебя всю люблю.

Ты удивишься, получив это письмо одновременно со вчерашним¹, но я посылаю его экстренно на Николаевский вокзал. Душа моя, сердце мое, возлюбленная Наташа. Я схожу с ума по тебе.

Публикуется впервые.

Датируется по содержанию.

¹ Т. е. с письмом от 7 (20) декабря 1914 г.

3

9—10(22—23) декабря 1914, Москва

Наташа, я погибаю, от тебя нет письма, нельзя молчать в такое время. Если завтра не будет письма — не знаю, что станет, я схожу с ума по тебе. Наташа, я вспоминаю тысячи мелочей, все твои слова, жесты, разговоры за всю эту осень. Я был слеп, господи, как я раскаиваюсь во всем. Наташа, я не хочу погибать, когда счастье ослепило меня на мгновение. Я вижу будущее с такою ясностью, целые картины нашей жизни — радостной, умной, влюбленной — проходят перед глазами. Ни одного противоречия, ни одного усилия не нужно для нас, мы соединены гармонично. Солнце мое, поэт милый мой, верь, верь, верь. Если мы не соединимся, тогда нельзя жить, не осуществимо счастье на земле, нет надежды, мрак. Если бы ты знала, как я страдаю. Мне страшно за тебя, я боюсь всего в Петербурге. Сегодня звонил Дюне¹, мне хотелось услышать ее голос, как она назовет тебя по имени, как будет говорить о тебе, но ее не было дома, подошел кто-то незнакомый, я спросил — не писала ли ты, хотя потом сообразил, что ты не могла писать. А зайти к вам было очень больно. Еще, Наташа, необходимо, когда приедешь в Москву, — выброси или пошли куда-нибудь лунный камень², он может принести тебе несчастье. Ты, конечно, огорчишься, читая мои письма, я понимаю, что в них ничего нельзя разобрать, только одно слово — люблю тебя; я не тороплюсь, Наташа, но я схожу с ума; твой отъезд разорвал нас по сердцу, обнажил, и, если бы хоть чуточку спокойного рассудка, но у меня его нет, я только вижу все ясно, чувствую тебя до боли, дышу тобой. А ты что делаешь, моя милочка? Чтобы понять это, нужно немного спокойного рассудка, а я не понимаю, мне страшно. Вдруг ты начнешь думать? Если бы не было того разговора в день отъезда, когда ты только что пришла.

Знаешь, бывают идеи, которые кажутся только возможными в мечте. Но это не значит, что они не осуществимы, а только мы сами

еще не готовы материализовать их, осуществить. Так идея живого счастья — теперь ее нужно воплотить, ты и я — готовы, нужно усилие воли, чтобы уничтожить боязнь и все, что мешает.

Наташа, без живого счастья на земле невыносимо, чтобы в последний час открылось небо. А счастье на земле только с тобой; ты единственная из всех, кого я знал и знаю: ты женщина, милая, прекрасная, нежная, добрая, ласковая, женственная до страдания, и ты поэт — высокий, умный, ясный, с душой, тоскующей по небесному. Ты говорила, что у тебя есть недостатки, конечно, я их не вижу сейчас, а когда увижу, то полюблю тебя еще нежнее, ты станешь трогательнее только. Я не тороплюсь. У меня только чувство, как перед казнью, или спасением.

Перечел письмо, и стало неприятно от слишком большого количества буквы я. Но я — значит любовь к тебе, преданность тебе навек.

Если бы только завтра было от тебя письмо! Душа моя, возлюбленная моя Наташа, приди ко мне навсегда. Люблю тебя, жена моя, милочка. Выезжаю в четверг, послал сегодня за билетами Алё³, первый час ночи, но до сих пор он еще не принес, а дозвониться к нему не могу, он где-то пляшет, носит их в кармане. В день выезда пошлю тебе телеграмму. Целую тебя, душенька, крепко и нежно.

А. Толстой

Впервые частично: Юность, 1983, № 1, с. 89.

Датируется по содержанию.

¹ Надежда Васильевна Крандиевская (1891—1963) — сестра Наталии Васильевны, скульптор.

² Легенда о лунном камне, приносящем несчастье, по-видимому, восходит к известному роману У. Коллинза (1868). По рассказу самой Наталии Васильевны, у нее было кольцо с лунным камнем, но после письма Толстого она кольцо выбросила (за сообщение этого факта благодарим Никиту Алексеевича и Татьяну Никитичну Толстых).

³ Алё — неустановленное лицо.

4

Начало февраля 1915, по пути в Тифлис

Мой нежный, любимый друг Наташа, прошло полсутки, я все это время дремал один в купе, на надувающейся подушке, и читал «Туннель»¹. Мне приятно знать, что ты читала и ты любишь этот роман. Мод² похожа на тебя, но Мод маленькая, а ты прекрасная и совершенная. Я же постараюсь всегда быть деятельным и смелым и никогда размазней.

Странная вещь — путь. Сначала укачает и утомит, а подремлешь — почувствуешь себя между прошлым и будущим без настоящего; берет раздумье, и вот сейчас я начинаю сознавать, какую ты мне дала любовь и как много и сильно я тебя люблю. Наташенька, родная моя, свет мой, люблю тебя радостно и смиренно перед богом. У меня такое чувство, что ты вывела меня в иную жизнь. Я на-

писал тебе стишок, плохой, но очень уж трудно мне с рифмами, они, как мухи, — пристают, а не поймаешь.

Рука твоя прикосновеньем
Открыла вещей взор и слух;
И суета со сновиденьем
Переплелись — с подругой друг.

Две жизни — к вечности две птицы.
Везде двойное видит взор.

Покрылись улицы столицы
Пленой таинственных озер.

Дома не заслоняют дали.
И чует сердце шум волны,
И в самом грубом — тень печали,
И в смерти — жизнь, и в яви — сны.

Наташа — нежная вишенка — у меня сердце полно тобой до того, что больно, а высказать не умею. Не печалься ни о чем. Чувствуй себя хорошо, спокойно.

Сейчас подъезжаю к Орлу. За окошком понравилось мне только огромное снежное поле, дорога через него, неизвестно почему — не прямо, а извиваясь, и рысью бегущая лошаденка в розвальнях.

Выходил в военный ресторан, нацепляя саблю³. Проводник зовет меня «высокоблагородье», еще не знаю — совестно мне или нет.

Люблю тебя навек, жена милая Наташа, нежно целую тебя, любимая.

Твой муж А. Толстой, в крещении Кумпферднар
Поцелуй Дюну, папу и маму⁴.

Публикуется впервые.

Датируется по содержанию: в начале февраля 1915 г. Толстой выехал на турецкий фронт корреспондентом «Русских ведомостей». В Москву он вернулся 17 февраля (см.: *Крандиевская*, с. 117).

¹ Роман немецкого писателя Б. Келлермана. Вышел в русском переводе в 1913 г. и был очень популярен среди читающей публики. Блок называл этот роман в числе лучших книг года (см.: *Блок А. А. Собр. соч.*: В 8-ми т. М.: Худож. лит., 1962, т. 5, с. 677).

² Героиня романа «Туннель».

³ На фронт Толстой выезжал не только как корреспондент газеты, но и как уполномоченный Всероссийского земского союза, которым полагалась военная форма (включавшая ношение холодного оружия). См. примеч. 2 к п. 6.

⁴ Василий Афанасьевич и Анастасия Ромаповна Крандиевские.

5

Начало февраля 1915, по пути в Тифлис

Родная моя Наташа, весь день сегодня провел за «Туннелем» и кончил, роман мне понравился, но не очень, слишком много от автора, слишком мало пластики, но сделан ловко; его нужно сделать короче, или уже совсем длинный; ты читала «Углекопов» Золя? ¹ То — лучше. Самый туннель сквозь землю я не чувствую, а мировые катастрофы, связанные с ним, маловероятны. Лучше всего места про Мод, описание сверления и все о Самуиле Вульфе. Уэллс пишет и романтичнее, и ярче. Прочти его «Машину времени» ².

И понял, что должно быть в нашем романе³, — тот же замысел — туннель в человеческую душу. Нужно, чтобы у Егора Ивановича, знающего, как медик, человека со всех сторон, возникла идея о новом изучении психики (души) при помощи физических приборов и логики (такой прибор нужно придумать). Егор Иванович повсюду натывается на иррациональность и считает ее лишь несовершенством нашего сознания. На приборе своем он срывается и сам попадает в ловушку (Ольга). Срыв же Егора Ивановича состоит в том, что при помощи своего прибора он математически определяет, что ему нужно Варвару Н. убить.

Такова задача первых глав (Петербурга со всем кошмаром).

Весь день я просидел один, люди едут унылые, о войне — ни звука, да мне и не хочется никого видеть, ни с кем говорить. Надеюсь, что когда приеду на Кавказ — станет ясно, для чего я покинул Москву. Сердце полно тобой, Наташа. Я не хочу поддаваться, но очень печально думать, что впереди столько дней разлуки. Истинный труд, задача всей жизни — это работа с тобой, любовь к тебе — вот все. Жить не так уж и много положено, а начнешь рассеиваться — ничего большого не сделаешь. Одним словом, мне смутно и грустно; только ты старайся не грустить, будь радостной, люби нежно, как я тебя люблю, плохие мысли гони, а для хороших — на то у тебя и голова Наташина. Если бы ты знала, Наташа, с какой болью, с какой нежностью я вспоминаю о тебе. Люблю тебя, моя вишенка, милая Наташа, моя жена.

Твой Алексей

Ты дала мне такое счастье, о котором я не мечтал. Целую тебя нежно в губы, целую руки и ноги, милочка.

Р. С. Не забудь о паспорте.

Впервые (частично): *Кошут*, с. 41.

Датируется по содержанию.

¹ Толстой имеет в виду роман Э. Золя «Жерминаль» (1885). В 1902 г. в издательстве «Знание» роман вышел под названием «Углекопы».

² Первое Собрание сочинений Уэллса (в 12 т.) на русском языке стало выходить в 1909 г. Роман «Машина времени» (1895) был включен в 1-й том этого издания (СПб.: Изд-во И. Д. Сытина, 1909 г.).

³ «Егор Абовов» (см.: *Крандиевская*, с. 116—117). «Роман этот так и не был закончен. Причину этого Толстой позднее объяснял тем, что тема романа была

*Н. В. Крандиевская.
Фотография. Москва, 1915. ИМЛИ*

мертворожденная, надуманная» (*Крандиевская*, с. 117). В архиве писателя сохранились варианты и черновики «Егора Абозова» под разными названиями: «Иван-царевич», «Обезьянка», «Призраки», «Свет уединенный» (ИМЛИ, ф. 43, № 38, 40/18, 41/18, 68).

6

5(18) февраля 1915, Тифлис

Наташа, я тоскую по тебе невыносимо. Я люблю тебя больше всего и больше всех на свете. Мы не должны расставаться, это боль бесценная, и тревога, и несвобода, ничего. В разлуке всегда печаль и прелесть, а в нашей такое чувство, что каждый час нашей жизни вместе драгоценен, а мы теряем недели напрасно. Я не хочу от тебя уезжать; если тебе нужно оставаться одной, — я буду проваливаться, но так, чтобы хоть минуту в день слышать твой голос, видеть тебя. Подумаешь — очень нужны геморроидальным подписчикам «Русских ведомостей» письма с Кавказа¹, где и войны-то никакой нет. Прости меня, я не должен был ехать, это был грех перед нами. Теперь следующее: я в Тифлисе, в гостинице, вымылся, лежу в постели, за стеной кашляет простуженный офицер. Ночь, Наташенька, южная, черная, звезды большие, сияющие, «каких не бывает». На юге низко Марс, как бриллиант, повыше его блистающий Орион... и тысячи созвездий — твоих мыслей — ведь это все ты, Наташа. Повсюду кипарисы — черные, высокие. На улицах пусто. В Тифлис приехал в темноте и пока ничего, кроме нескольких фигур в бурках, из-под которых торчат огромнейшие усы, — не видел. Маршрут такой: завтра еду в Батум (на Черное море), под ним идут мелкие бои. Вернусь и еду в Карс и Караурган, вернусь и еду в какую-то дыру на юго-восток, и все; выпишу ли из всего 10 писем, — не знаю. Но больше здесь делать — нечего. Сделаю я все это без передышки, стиснув зубы.

Наташенька, пиши мне, ради бога, чаще, по адресу: Жуковская, 2, Всероссийский земский союз, мне². Береги себя, не огорчайся и помни, что я живу только тобой, так в жизни все подошло к тебе, просто и ясно, ты заполнила все уголки и, если живу, попросту скажем, сплю — это тоже люблю, потому что все в тебе, ты — моя свобода, моя родина, моя жизнь.

Целую твою руку.

Твой муж

Впервые (частично): *Кошут*, с. 42.

Датируется по содержанию.

¹ «Письма с пути (На Кавказе)» Толстого публиковались в газете «Рус. ведомости» 15, 24, 25, 27 февр. 3, 5, 11, 15 марта 1915 г.

² Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам был организован 30 июля 1914 г. В его функции, как и в функции Всероссийского союза городов, входила эвакуация раненых, организация и оборудование госпиталей, санитарных поездов.

7(20) февраля 1915, Батуми

7 фев.

Наташенька, родная, ласковая, милая.

Пишу тебе опять в кровати. За окнами всего шагах в 20 шумит море. Недавно вернулся с передовых позиций, пробыл там весь день около пушек, чуть не оглох. День был теплый и ясный. Поехал я туда еще вчера в автомобиле, был дождь, и мои спутники и я заночевали в лазарете на полпути. Встали в семь. Если бы ты могла видеть неописуемую красоту горной долины реки Чороха. Быстрая река в теснинах, селенья на скатах гор, от их подножий до вершин грядями туманные облака, а за ущельями открываются и вновь закрываются облаками снежные и лесистые вершины, освещаются солнцем. Дорога идет иногда очень высоко над пропастью — люди внизу, как точки. На скалах развалины древних греческих крепостей, каменных мостиков. Приеду — все расскажу сам, иначе ничего не выйдет. Когда кончится война, — ты должна, обязана поехать на Кавказ, мы с тобой вдвоем увидим все это, милочка, увидим все это вместе, ты мне обещай. Сейчас, во время войны, сутолоки, и то вся эта красота (лагери, буйволы, аджары, синие цветы на камнях, водопады, цветущий дрок) очаровывает всех; офицеры стоят и смотрят часами, все успокоенные и нешумливые. Что же будет, когда ты это увидишь, Наташа.

В гостинице встретил И. И. Ясинского¹, затащил меня в номер, и мы проговорили за полночь. Он был под Перемышлем и рассказывает невероятное. Все расскажу по приезде.

Завтра и в понедельник буду писать, во вторник еду на пароходе на приморские позиции, потом, в среду, опять туда, где был сегодня, четверг и пятницу опять буду работать, в субботу — Тифлис; в понедельник — в Москву, кажется, успею так обернуться.

В остальные направления я не поеду по двум причинам: одну ты знаешь, про другую расскажу, писать же не могу из-за цензуры. Любовь моя, Наташа, милая моя жена, целую тебя нежно в губы, в ручки.

Твой муж Кумпферднар

Впервые (частично): *Кошут*, с. 42.

¹ Иероним Иеронимович Ясинский (1850—1931) — писатель, автор литературных воспоминаний «Роман моей жизни» (М.; Л.: ГИЗ, 1926). Толстой познакомился с Ясинским в самом начале своей литературной деятельности. В архиве сохранилась дарственная надпись Толстого на титульном листе книги «Лирика» (1907): «Глубокоуважаемый Иероним Иеронимович! Собравшему жатву весело смотреть на зеленые всходы на ниве, в которую вложил он столько любви и крови» (ИМЛИ, ф. 43, оп. 1, № 7068).

8(21) февраля 1915, Батуми

8 фев.

Вишенка, совсем весенний день. Ясное море, вдалеке снеговые горы. В парке на набережной аллее лимонных деревьев, пальмы, эвкалипты.

Встал в семь, пошел в парк на набережную, играл в теннис с гимназистом, шлепнулся и проиграл сет всухую. Сейчас вернулся, сижу у раскрытой двери на балкон и работаю, тепло, как в мае. На кораблях (всего в ста шагах) играют иногда на рожках.

Милочка, сегодня едет знакомый в Тифлис и обратно, прошу его зайти на Жуковскую, 2, быть может, от тебя есть письма. Как очаровательно жить и любить, Наташа.

Публикуется впервые.

10(23) февраля 1915, Батуми

10 фев.

Родная Наташенька, сейчас из Тифлиса привезли твое письмо, а вчера получил телеграмму. Наташенька, это первое твое письмо, оно удивительное, и мне опять стало страшно чем-нибудь нарушить твою любовь, красоту, очарование. Во-первых, ты к чертям выброси мои карточки; во-вторых, Наташенька, если я что-нибудь не так тебе написал — то только оттого, что не умею писать письма: они не освобождают в форму слов чувство мое к тебе, а только определяют его. Смотри не разлюби меня. Я приеду 19, если опоздаю на поезд в Тифлисе — то 20-го. Живу все это время очень странно — одним небольшим кусочком сознания — все, что входит в круг войны и статей, — и только оставаясь один, по вечерам, точно пробуждаюсь, точно разжимается сжатое и стиснутое, и я ужасно тоскую. У меня никогда не проходит ощущение твоего присутствия всегда и везде и то, будто ты руководишь мной. Гляжу на море, на горы, на звезды (особенно на звезды, сейчас ярче всех звезд и так ярко, как я никогда не видал, сияет Орион, он высоко, почти в зените), и всегда кажется, что мы смотрим, никогда, что я один смотрю. Утром и по вечерам на военных судах играют рожки. Наташенька, ты вошла ко мне вся, слилась с кровью. Все, что между нами, — непостижимо, огромно и торжественно. Прошу тебя — выброси карточки, пустой образ, да еще исковерканный фотографией, дьявольская вещь, его можно наполнить чем угодно — и любовью и отвращением. Милая, родная Наташа, мне бы очень хотелось подробно написать тебе обо всем, но не могу, лучше расскажу по приезду: слишком много всего и лучше рассказывать, глядя тебе в глаза, держа твою руку, милочка.

Здесь в Батуми тихо и спокойно, с моря слышны далекие выстрелы: наш флот бомбардирует турецкие позиции. Завтра еду на

три дня на позиции в горы и по возвращении сейчас же выезжаю в Москву.

Целую тебя, единственная, нежная жена моя, душа моя, Наташа милая.

Кумпферднар

Впервые (частично): *Кошут*, с. 43.

10

Февраль 1915, Батуми

Милая, родная Наташа, весь день сегодня залитый солнцем, справа весь день снеговые горы, то белые, то выкованные из серебра, то синеватые, то залитые пылью солнца, красные на закате. Налево равнина, речка, леса; от солнца знойно, земля черная, зеленеет трава; ночью сейчас едем вдоль моря, иногда волны плещутся о насыпь дороги; пахнет гнилыми водорослями. В Тифлисе цветут яблони. Любовь моя, почему тебя здесь нет? Наташа, милая.

Вершин блистающий алмаз,	Я новую любовь принес
И воздух гулкий между ними.	В твоё святилище земное,
Я повторю в горах не раз	В твои аулы, в ночь долин,
Любимое навеки пмя.	В ущелья, в дикие опушки,
Кавказ! Из серебра вознес	Где так любили миг один
Ты горы в небо голубое,	И Лермонтов, и юный Пушкин ¹ .

Нежно целую тебя, милая моя жена.

Твой А. Толстой — верный Кумпферднар

Впервые (частично): *Кошут*, с. 44.

Датируется по сопоставлению с предыдущими письмами.

¹ Это стихотворение Толстой очень любил и с удовольствием записывал в литературные альбомы своих знакомых, например, в альбом А. И. Ходасевич (ЦГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 127, л. 32).

11

Декабрь 1915. Петроград

Душечка, второй день бегаю по городу, задрал лисий хвост, ухожу в 2, а возвращаюсь в 10. В мое отсутствие звонят на квартиру журналисты, требуя мнения по вопросам этическим и политическим. И одному из них удалось поймать меня на квартире Ауслендера ¹, где я высказался глубокомысленно и честно. Беготня отчасти достигла результатов. Пьесу ² читают: Дризен (цензура) ³, Лаврентьев (режиссер) ⁴, Ходотов (актер) ⁵ и в понедельник будет читать сам Директор ⁶.

Затем в Союзе ⁷ я получаю 500 и из «Русской Мысли» 100 (пока). Затем я обшарил все иудейские лавчонки в Александровском рынке в поисках камней; в воскресенье мне обещали показать хорошую, старинную камейку.

Знакомых видеть охоты мало. Яценки⁸ и Белкины⁹ встретили меня очень радушно и кормят второй день гусем, от чего мне худо. Терплю.

В общем, жизнь оголтелая и дикая, в городе туман, фонари едва видны; в калошах и шубе ходить трудно. Езжу на извозчиках и трачусь.

Сегодня перед театром назначил Яценкам свиданье в синематографе Пикадилли¹⁰, они сказали, что пришло письмо на мое имя. Я очень забеспокоился, но когда прочел, — стало нежно и горячо на душе. Вчера вечером прочел «Даму с собачкой»¹¹ и вспомнил, как ты рассказывала об этой повести. В твоём рассказе было гораздо больше очарования; некоторые места ты изменила, и как говорила ты — гораздо лучше, ты восполнила все недочеты. С утра сегодня впал в меланхолию — все: город, беготня, дела, показались тоскливыми ужасно. На извозчике продуло ветром, и я стал думать так, что даже Петербург был бы мне мил, как мила Москва, если бы ты жила здесь. Было очень странно: я почувствовал — как бы преобразилась улица, если бы ты ехала рядом со мной. Душенька моя, очарование мое, ты принесла мне такое счастье, о котором я не мог мечтать, потому что не знал, что можно так любить и так полно существовать. Наша жизнь еще только начинается, и нашей любви и счастью нет конца. Ты пишешь, чтобы я разжимал тебе сердце, и сама не замечает, какое твоё сердце нежное, горячее и высокое. Выше тебя, прекраснее тебя я не знаю и благославляю господу за то, что он послал тебя мне. Твоё сердце сжимается иногда не от холода, а оттого, что неправильно иногда начинаем жить или оттого, что не хватает силешки побороть какую-нибудь мелочь. Ты пойми, Наташечка, ты — милая женщина. Когда я думаю о тебе — волнуюсь, и мне всегда кажется, что я слишком много тебя огорчаю — ты изумительная, одна на свете — милочка. Я живу только с тобой, для тебя и для нас.

Пишу тебе в постели, в большущей комнате, затянутой синим бобрком и с оранжевыми занавесками. Помещение дикое и странное — пустое. Мне очень хочется объяснить, как я тебя люблю, но это чертовски трудно сделать, и бесполезно, и вредно даже стараться. Лежу и вдруг затоскую, и непременно, чтобы объяснить. Милочка, нежная моя Наташа, целую тебя в губы, и в щечки, и всю головку твою целую и всю тебя крепко и нежно обнимаю. Поцелуй наших всех и Фефку¹².

Лисица

Публикуется впервые.

Датируется по позднейшей помете на письме, сделанной Крандиевской.

¹ Сергей Абрамович Ауслендер (1880—1943) — поэт, был близок к символистам.

² Имеется в виду пьеса Толстого «Нечистая сила».

³ Николай Васильевич Дризен (1868—1935) — театральный критик, цензор Главного управления по делам печати, редактор «Ежегодника императорских театров» (1909—1915). Сохранилось 6 писем Толстого Дризену за 1916 г. (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 37).

⁴ Андрей Николаевич Лаврентьев (1882—1935) — артист и режиссер Александринского театра.

⁵ Николай Николаевич Ходотов (1878—1932) — один из ведущих актеров Александринского театра.

⁶ Владимир Аркадьевич Теляковской (1860—1924) — театральный деятель, в 1901—1917 гг. — директор императорских театров.

⁷ Союз драматических и музыкальных писателей (1870—1930).

⁸ *Яценки* — см. в наст. книге примеч. 22 к Дневнику Толстого 1911—1914 гг.

⁹ *Белкины* — см. там же, примеч. 67.

¹⁰ Синематограф Пикадилли находился на Невском проспекте, д. 60.

¹¹ Отношение к Чехову менялось у Толстого на протяжении всей жизни. Если до революции и в 20-е годы творчество Чехова рассматривалось Толстым как «боязнь грандиозного эстетического ощущения искусства», и он считал, что «Чехов выцвел, как акварель» (10, 76), то в докладе «О драматургии» на I-м Всесоюзном съезде советских писателей Толстой отмечал: «Я перечитывал Чехова, — в чем был секрет его живых слов? За каждой фразой — живой человек, мало того — тип, мало того — эпоха...» (10, 259). В статьях последних лет жизни Толстой признавал непреходящее значение творчества Чехова для истории русской культуры.

¹² Федор Федорович Волькенштейн (р. 1908) — сын Крандиевской от первого брака, доктор физико-математических наук, профессор, автор воспоминаний «История одного путешествия» (Звезда, 1981, № 1) и «По дорожкам детскосельских парков» (Звезда, 1984, № 3).

12

Декабрь 1915. Петроград

Дочка, моя милая, родная девочка, мне сладко тосковать по тебе, ждать, когда увижу. Стихи о лисице¹ едва не сбили меня с толку. Во-первых, это замечательные стихи, во-вторых — очень соблазнительные; лисицы, как тебе известно, большие охотники до хороших вещей.

Мотаюсь, милочка Наташенька, так мотаюсь по городу, что обветрил. Завтра говорю с директором императорских театров Теляковским. Пьеса режиссеру очень нравится. Цензура ее пропустила. В среду еду со своим хвостом в родные места; роднее, милее Молчановки ничего нет. Во вторник вечером читаю пьесу у Сандро² писателям, что из этого выйдет — расскажу в норе.

Пишу тебе опять в постели, единственное время, когда остаюсь один. Мне очень хорошо, Наташенька, жить. Твои два письма с особенной силой и остротой подчеркнули, что все теперь во мне и со мной иное (в первый день приезда мной овладела тоска, крутом туман, люди чужие). После твоих писем — легко, ясно, весело, вольно. Какая-то ясная воля теперь во всей жизни. Мне хочется, Наташенька, чтобы ты всегда была счастлива и так, как только можешь быть счастлива. Душа моя полна любовью, мне вольно, и это — твое, как и ты вся моя. Люблю, душенька.

Быть одной лисе певмочь,

Чисто — окаянство.

Ускакать бы в темну почь

В снежное пространство,

Через степи да леса,

Не жалея кожи.

Ждет меня моя лиса,

Рыженькая тоже.

Вот уж эти стишки плохи, Наташенька, ничего я сочинить сейчас не могу, потому что один глаз уже закрыт, а другой закрывается. Кровать стоит у печки, так что пригрело.

Целую тебя нежно в губы, Наташа.

Поцелуй наших и Жилкиных³.

Я даже очень бы хотел написать остроумное письмо, но Морфей одолевает, бороться с ним бесполезно. Увижу тебя во сне.

Твоя Лисица навек

Публикуется впервые.

Датируется по сопоставлению с предыдущим письмом.

¹ Возможно, речь идет о стихах Крапдиевской, посланных ею в письме Толстому.

² *Сандро* — А. С. Яценко.

³ Иван Васильевич Жилкин (1874—1958) — писатель, журналист, депутат I-й Государственной думы. В октябре 1914 г. вместе с Толстым был на Западном фронте, в 1916 г. Жилкин и Толстой в составе делегации русских журналистов посетили Англию. Дружеские отношения писателей сохранялись на протяжении многих лет.

13

Декабрь 1915, Петроград

Сердечко мое, Наташенька, я очень тоскую — второй день нет от тебя писем. Не раздумалась ли ты, или что-нибудь случилось неприятное? Не мешают ли тебе работать? Тихо ли тебе? Сегодня видел тебя во сне, родной друг мой, милочка, и весь день был очень хороший, только после обеда, когда не пришло письмо, — начал беспокоиться.

На это письмо ты мне не отвечай: сегодня взял билет на среду, на восьмичасовой. Лаврентьев (главный режиссер) от «Нечистой силы» в восторге. Дал ее читать Теляковскому. Я слышал, что Дризен хвалит ее повсюду. Думается, что пойдет в Александринском театре, за это 85% вероятия, вот так¹. Завтра же читаю ее у Сандро. Видел Городецкого и Ремизова. У писателей вид голодный и жалкий, говорят о Москве с тоской и жадностью. Вообще жизнь здесь — кошмар и пустяки.

Сандро рассказывал мне сегодня удивительную вещь — легенду о Христофоре². Хотя легенда средневековая, но точно создана для России, для наших дней. Это грандиозный план для романа — то, чего не хватает, например, у Егора Абозова³. Пока он рассказывал, — я представил ясно весь роман. Приключения Растегина здесь все очень хвалят. Сандро сказал, что рассказы эти писаны другим человеком, что теперь я — крупный писатель и прочее⁴.

Наташенька моя, если бы ты знала, как я люблю тебя, как предан тебе. При мысли о тебе я взволнован и испуган немного и почтительно. Представляю тебя, нежную, легкую, своевольную душеньку, умную и бестолковую, изменчивую и ласковую. Я чувствую тебя всем духом, всем телом. В тебе сочетание родного, женского, милого с вечно ускользающим своеволием и потому опасным.

Целую тебя, душа моя. Господь с тобой, Наташа. <...> Поцелуй Фефочку и наших.

Кумпферднар

Впервые (частично): *Щербина*, с. 103.

Датируется по сопоставлению с предыдущими письмами.

¹ Премьера пьесы состоялась в январе 1916 г. в театре Суходольских в Москве. В главных ролях были заняты ведущие артисты театра: Е. А. Полевицкая, Н. М. Радин, И. Н. Певцов и др. Режиссер-постановщик — И. Ф. Шмидт. «Пьеса имела успех, делала аншлаги и прочно вошла в репертуар театра» (*Крандиевская*, с. 119). Известный театралыный критик П. А. Марков писал об этой постановке: «„Нечистую силу“ Алексея Толстого играли блестяще, лучше не сыграешь, по чувству стиля и образа» (*Марков П. О театре*. М.: Искусство, 1974, т. 1, с. 327). В Александринском театре пьеса не была поставлена.

² Христофор («христоносец») — в христианских преданиях мученик, пострадавший ок. 250 г. в Ликии при императоре Деции. О Христофоре существует много преданий.

Начиная с XII в. огромное влияние на западную иконографию, неизменно изображающую Христофора с младенцем Христом в момент переправы через реку, и отчасти на православную, оказывает «Золотая легенда» Иакова Ворагинского. Согласно этой версии, Христофор по совету некоего отшельника берется переносить путников через речной поток, желая послужить этим богу. Однажды его просит переправить через реку ребенок. Дойдя до середины брода, Христофор ощущает на своих плечах невыносимую тяжесть, ему представляется, что он несет не младенца, а целый мир. Ребенок, оказавшийся Христом, объясняет ему, что он держит в своих руках не только весь мир, но и того, кто сотворил этот мир.

³ Роман «Егор Абовов».

⁴ Рассказ Толстого «Приключения Растегина» впервые напечатан под заглавием «За стилем» в газете «Русские ведомости» в 1913 г. В 1915 г. он был опубликован в значительно переработанном виде (Собр. соч.: В 10-ти т. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, т. 7). В новой редакции Толстой расширил содержание произведения, углубил характеристику действующих лиц, в том числе и главного героя рассказа.

14

20 февраля 1916, Ньюкасл

20 фев.

Пишу тебе в маленькой комнате с наглухо закрытыми ставнями, горит камин и свистят поезда. Часа 4 назад мы приехали, наконец, в Ньюкастль¹... но капитан изменил курс. Завтра в 4 будем в Лондоне, и завтра же начнутся банкеты и осмотры, а через неделю поедем на фронт. Нам обещаются показать немцев шагах в 5-ти. Затем повезут осматривать флот. Ньюкастль произвел на меня очень сильное впечатление — это город верфей, кораблей и каменного угля. Везде видны гигантские краны, мосты, верфи, мачты, проносятся поезда. Вечером нет ни фонарей, ни света из окон. Множество народу бродит в темноте по улицам.

Наташечка, я хотел телефонировать в Лондон — узнать, нет ли от тебя телеграммы, но сегодня воскресенье и все закрыто. Умоляю тебя — телеграфируй мне как можно чаще: Лондон, отель Савой. Скажи: легче ли тебе теперь? Друг мой милый, ты знаешь — свет огромен, чего только на нем нет, но ты одна, и у меня такое чувство — все эти страны и города, и люди, поезда и корабли, как сон, проплыли перед глазами, а чувство и мысли, вся сущность это — ты. Это так же важно и велико, как жизнь, — если я умру, — мне не нужны города и люди, да и сам я обращаюсь в ничто, не любя. Вчера, когда я думал о нападении немцев: если придется

погибать — осталась изо всего одна мечта о тебе — соединиться с тобой неразлучно. Пойми — мы связаны навек, так же, как я связан со своей жизнью. Милая, моя, лечь на твои колени, обнять тебя. Без тебя я как без хозяина — переживаю собачьи чувства.

Целую тебя, Наташа

Впервые частично: Юность, 1983, № 1, с. 90.

¹ «2 февраля 1916 года Толстой был экстренно вызван в Петроград, чтобы оттуда с группой журналистов (Немирович-Данченко, Набоков, Башмаков, Егоров и Чуковский) ехать в Англию по приглашению английского правительства. Путешествие было небезопасное, а разлука неожиданна, и оба мы были не подготовлены к ней. Толстой собирался наспех. (...) Маршрут поездки был такой: Белоостров, Торнео. От Торнео до шведской границы одна верста на санках, затем поездом через Стокгольм в Христианию. Из Христиании морем до Ньюкаста. Оттуда в Лондон» (*Крандиевская*, с. 119—120).

Толстой выехал в Англию как корреспондент «Русских ведомостей». С 1 марта газета начала публикацию его корреспонденций.

Подробно история этой поездки изложена К. И. Чуковским (см.: Чукоккала. М.: Искусство, 1979, с. 161—175).

15

5 марта 1916, Лондон

5 марта н. с.

Милая душа моя, только что вернулся из деревни от Уэллса¹. Он живет в гигантском дубовом парке, где ходят целые стада диких оленей. Я все расскажу тебе подробно, когда приеду. Мы должны поехать с тобой летом в английскую деревню и пожить там несколько месяцев. Тебе очень понравится и будет очень хорошо. Но на кой мне все это черт, когда нет тебя. Мне нужно только одну тебя на свете, больше ничего. Жить с тобой, где хочешь, — в глуши, в деревне, в какой хочешь стране. Милая, родная, сердце мое Наташа, как ужасно, что ты не здесь. Но оставаться здесь, как я думал раньше, — нельзя. Мы здесь официальные представители России и когда через 10—12 дней кончится миссия, — нужно вернуться в Россию². Может быть, это к лучшему — второй раз так скоро мы бы с тобой не собрались, а время сейчас очень тяжелое и погода самая гнусная во всем году. Лучшие же месяцы лето и осень. Я болен сейчас так же, как был болен год назад — в феврале. Мне так хочется быть с тобой, Наташенька, что иногда непереносимо. Радость моя, любимая моя жена, не знаю человека прекраснее тебя, изумительнее тебя. Как можно сомневаться хоть минуту, что вся моя жизнь в тебе, все помыслы и все чувства. Никогда, даже во сне, я не отвлекся от тебя, Наташенька, это до смерти, навсегда, любовь моя.

Поцелуй Фефочку и всех наших.

Твой муж

Публикуется впервые.

¹ Об этой поездке Толстой рассказал в корреспонденции «Уэллс (письмо пятное)»: «Утром в воскресенье Хагберг Тайт, заведующий Лондонской публичной библиотекой, Набоков, Чуковский и я вылезли на станции, в часе езды от

Пондона. К нам подошел небольшого роста человек с поднятым воротником, в мягкой шляпе, в резиновых сапогах и заговорил тонким женским голосом, (...) Это был Уэллс. Деловито пожав руки, он пригласил всех в автомобиль, сел сам за шофера, и понеслись навстречу нам с обеих сторон древней, еще римской дороги дубы, изгороди, зеленые поля, деревенские домики, обвитые плющом. (...) Мы покатали по огромному парку. На ровных зеленых полянах его стояли редко один от другого столетние дубы, огромные, корявые, иные разбитые молнией. Ручьи вились через лужайки. Большие стада оленей паслись близ дороги и вдалеке за деревьями. И все это — поляны, олени, дубы — уходило в тончайший, пронизанный солнцем туман. В таких местах, должно быть, видел Шекспир сон в летнюю ночь (...)» (Рус. ведомости, 1916, 25 марта).

² Толстой вернулся в Россию 18 марта 1916 г. Крандиевская встречала его в Петрограде (см.: *Крандиевская*, 122).

16

8 марта 1916, Лондон

8 march.

Милая моя деточка, завтра утром уезжаем во Францию. На 24 марта я заказываю билет в Россию. Я устал и болен. Нет времени даже писать: каждый день встаем в 7^{1/2}, в 8 и уезжаем на заводы, на верфи, в армию. Напечатаны ли мои две статейки, в субботу посылаю третью¹. И по приезде придется писать очень много. По некоторым номерам русских, дошедших сюда газет видно, что в России не понимают значения нашей поездки. Здесь в Англии это событие огромной важности: никогда, никого (никакой нации) представителей в Лондоне так не принимали. Англичане страшно заинтересованы Россией и считают, что дружба с нами должна быть началом новой исторической эпохи.

В «Таймсе» был напечатан перевод первой моей статейки и произвел очень хорошее впечатление. Завтра, должно быть, появится 2-я статейка².

Дочка моя, родная, как мне обидно за тебя, ты так заботилась, хлопотала, и ехать не пришлось³. Не понимаю, отчего тебе задержали паспорт. Вильямс⁴ сказал, что устроить это очень просто. На сплетни ты махни рукой⁵; распускала их в Петрограде М. Г. Гречанинова⁶ и, право, из-за этой ящерицы не стоит огорчаться. Никогда не прощают ни красоты, ни ума, ни высокой души; все, что выше — ненавидят, что ниже — уважают, что вровень — любят. Тебя по-настоящему любят только большие люди, они понимают и чувствуют тебя⁷, а мелочь всегда будет тявкать. Мне выпало величайшее счастье — быть твоим мужем, Наташа, любовь моя, будь покойна, будь счастлива.

Поцелуй Фефочку и всех наших.

На свете нет ничего лучше Москвы.

Твой А. Т.

Впервые (частично): *ЖЗЛ*, с. 139.

¹ 1 марта «Русские ведомости» начали публикацию корреспонденций Толстого о пребывании в Англии. Первые три «Письма» под названием «В гостях у англичан» печатались с 1 по 22 марта 1916 г.

² Times, 1916, 9 march.

³ Перед отъездом в Англию Толстой договорился с Наталией Васильевной, что она по выздоровлении (у нее был грипп) выедет в Петроград и, получив заграничный паспорт, последует за ним в Англию в сопровождении курьера из английского посольства (см.: *Крандиевская*, с. 119).

⁴ Вильямс — неустановленное лицо.

⁵ «Я же притом еще была женой незаконной, не разведенной с первым мужем. Еще не вошло в берега взбаламученное море сплетен и пересудов вокруг наших имен» (*Крандиевская*, с. 119).

⁶ Мария Григорьевна Гречанинова — жена композитора А. Т. Гречанинова; см. в наст. книге примеч. 231 к Дневнику Толстого 1911—1914 гг.

⁷ Можно сослаться на отзыв о Крандиевской И. А. Бунина: «Наташу Толстую я узнал еще в декабре 1903 года в Москве. (...) я просто поражен был ее юной прелестью, ее девичьей красотой и восхищен талантливостью ее стихов, которые она принесла мне на просмотр, которые она продолжала писать и впоследствии.» (*Бунин И. А. Собр. соч.: В 9-ти т. М.: Худож. лит., 1967, т. 9, с. 442*).

17

11 марта 1916, Франция

11 march.

Дорогая моя Наташечка, мы третий день сидим в главной квартире в парке, в шато с егозливой французской обстановочкой. Во всем замке нас пять человек. Внизу, где столовая и гостиная, топят два камина, а наверху в спальнях каминов нет, огромные постели под балдахинами, и лезешь, как в снег, в простыни. Вчера были на позициях в обстреливаемом и совсем разрушенном городе, сегодня ездили в Кале, завтра отправляемся вдвоем с Набоковым¹ в траншеи, вплоть к самым немцам. В пятницу 24 уезжаю к тебе. Мне представляется как сон, как чудесная мечта, что буду с тобой. Только, Наташенька, я ни разу тебе не писал о самом главном, о чем я стараюсь не думать сейчас,— как ты относишься ко мне, милочка моя. Я твердо, как на духу, говорю тебе — вся моя жизнь, все, что есть смертного и бессмертного,— в тебе. Через всякие испытания — сильнее и тверже люблю тебя. Если ты меня разлюбишь и оставишь — я погибну, потому что ты стала моей сущностью. Ах, как мне хочется, чтобы теперь не было больше в нашей жизни никаких обманов. Наташенька, верь любви, старайся не искать в ней никаких изъянов. Дорогая моя, любимая моя жена Наташа, люблю тебя, потому что люблю и готов на всякие лишения — только любить тебя, сердце мое.

А. Толстой

Впервые (частично): *ЖЗЛ*, с. 140.

¹ Владимир Дмитриевич Набоков (1869—1922) — редактор-издатель газеты «Речь»; один из основателей конституционно-демократической партии; депутат I-й Государственной думы; находился в группе журналистов, посетивших Англию.

12—13 марта 1916, Франция

12 march.

Милая Наташечка, вернулись с позиций. Мы были в 25 саженьях от немцев, и едва Набокова и меня не убили. Бросали гранаты, и две из них разорвались в нескольких шагах, так что обдало землей и дымом. Пришлось около часу идти по траншеям под обстрелом, у меня было одно чувство — увидеть тебя, не умереть, не увидев тебя, моя милая.

Завтра рано утром уезжаем в Париж на 2 дня, оттуда в Лондон и 24, в пятницу, домой.

На французский фронт я не останусь, если бы ты была в Париже, может быть, и стоило бы остаться, но самое важное для меня — видеть тебя. Милая моя, любимая жена Наташа.

Париж. 13 march.

Скрываются ли за туманы
Железной лентой поезда,
Плывут селенья, горы, страны —
Люблю большее, навсегда.

Шумит ли гром на бранном поле,
И спит мертвец, и мертв живой,
А сердце просит старой воли
Мечтать, любить, дышать тобой.

Впервые (частично): ЖЗЛ, с. 141.

16 марта 1916, Лондон

16 march.

Сегодня вернулись в Лондон, Натальюшка, через Ламанш. Наш пароход конвоировали миноносцы и воздушные корабли, потому что теперь чуть ли не каждый день немцы взрывают минами корабли. При выезде из гавани всем обязательно велят надеть пробковые пояса. В субботу 24 выезжаю в Россию; я хотел бы раньше дня на три, но нет парохода на Берген. Послезавтра здесь будет дядя Сережа¹. Мы встретились с ним в Париже следующим образом. 14-го я встал в 8 утра и поехал разыскивать Макса² в ателье Кругликовой³, но там он, оказывается, не живет. Тогда я пробродил по городу до после обеда. День был весенний, чудесный, ясный; все на улице были без пальто. Париж ужасно странный сейчас — опустевший, простонародный, мужчин мало, женщины в трауре. Наконец, я вспомнил адрес А. В. Ольштейн⁴ и застал ее; она сказала, что Макс обедает у Цетлина⁵. Я пошел туда, и там мне сказали, что уже несколько дней дядя Сережа ожидает меня в Париже, и дали его адрес. Мы встретились с ним очень дружески, а на следующий день уже были на ты, и весь день ходили и разыскивали тебе и Дюночке приятные вещи. Дядя Сережа ужасно милый. Он показывал ваши детские карточки. Милочка моя Ната-

ша, как я тебя нежно люблю от самого твоего первого дня. Никогда не думал, что так целиком всю мою жизнь заполнит любовь к тебе. Сердце мое милое.

Обо всем я тебе подробно буду рассказывать, когда приеду. Очень трудно, что нет от тебя писем.

Твой Толстой

Впервые (частично): *Крандиевская*, с. 121.

¹ Сергей Аполлонович Скирмунт (1863—1932) — издатель, близкий друг семьи Крандиевских.

² М. А. Волошин.

³ Елизавета Сергеевна Кругликова (1865—1941) — художница, примыкала к объединению «Мир искусства», долгое время жила в Париже. См. также в наст. книге *Дневник Толстого 1911—1914 гг.*

⁴ Александра Васильевна Ольштейн (Гольштейн) (1850—1937) — переводчица. В молодости участница народовольческого движения, полит. эмигрантка. Толстой познакомился с ней в 1908 г. во время своего первого длительного пребывания в Париже.

⁵ Михаил Осипович Цетлин (псевдоним «Амари» 1892—1945) — поэт. Вместе с Толстым в июле 1918 г. Цетлины выехали на Украину. Об этом рассказано в воспоминаниях Крандиевской (см.: *Крандиевская*, с. 138), а также в воспоминаниях ее сына Ф. Ф. Волькенштейна (см.: *Звезда*, 1981, № 1, с. 153—155). Цетлин послужил прототипом одного из героев повести Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус».

20

14(27) декабря 1916, Минск

Моя милая жена Наташа, третий день сижу в Минске¹ в огромнейшей квартире, где живут десяток уполномоченных, и мне очень грустно. Пиши мне, Наташечка, почаще: разлука, может быть, по-твоему, хорошая вещь, но очень грустная. Если я чем-нибудь тебя огорчил, Наташенька, ты меня прости, я тебя люблю, как никого на свете. А у тебя были печальные глаза все последнее время.

Мне очень странно привыкать к здешней обстановке: здесь все заняты по горло, говорят о делах, строят проекты, разъезжают, а по вечерам часов до трех пьют глинтвейн, который называется: «горячее довольствие», и ведут холостые разговоры. Люди все очень милые, и интереснее всех сам Вырубов — председатель Комитета Западного фронта.

Я еще пока не у дела, только завтра меня зачислят и укажут подробно, что я должен делать, в общем, это будет ревизия дружин, работающих на фронте, и цель ревизий улучшить, с одной стороны, интенсивность работ и, с другой, — положение рабочих. Мой начальник Хрипунов заявил мне, что предоставляет мне это занятие, потому что я буду сравнительно свободен, смогу располагать своим временем (он сказал, что не имеет права отрывать меня от моего настоящего занятия: он был на «Касатке»²), я смогу ездить в Москву, и затем у меня будет огромный материал для наблюдений.

Живу я в одной комнате с Борисом Дмитриевичем Никитиным³ (инженер), ты его должна знать, а он к тебе издавна не-

равнодушен. Он очень милый и простой человек, хотя необыкновенно любит разговаривать, совсем уже ляжет спать и вдруг сорвется и побежит к Вырубову с каким-нибудь новым проектом. <...>

Душенька моя, живи тихонько, не волнуйся и не утомляйся, не спотыкайся на улице и раньше ложись спать. Слава богу, только месяц остался помаяться и родишь мне сына Данилу⁴. Подумай над этим именем. А если дочь — то все равно будет Наташа, милее этого имени и этого человека нет. Живи, пожалуйста, у меня в кабинете, спи там. Подробно пиши мне, что делаешь, о чем думаешь.

Целую тебя нежно, милочка моя Наташа. Поцелуй детей, Дюну, Крандиевских и холостяков из Сытинского переулка⁵.

Твой муж А. Т.

Мой адрес: Минск, Комитет Западного фронта Всероссийского земского союза, для меня. (Пиши заказное и нумеруй).

~~Впервые (частично):~~

Крандиевская, с. 127.

Датируется по позднейшей помете на письме, сделанной Крандиевской.

¹ «В середине декабря 1916 года Толстой выехал в Минск, в Комитет Западного фронта при Всероссийском земском союзе городов. Вызвал его председатель комитета В. В. Вырубов для работы на фронте» (*Крандиевская, с. 126*).

² Премьера спектакля «Касатка» по пьесе Толстого состоялась в Московском драматическом театре 12 дек. 1916 г.

³ Упоминание о Б. Д. Никитине встречается и в Дневнике Толстого 1917—1931 гг., публикуемом в наст. книге.

⁴ Сын Толстого Никита родился 14 февраля 1917 г.

⁵ Кого имеет в виду Толстой, установить не удалось.

21

17(30) декабря 1916, Минск

Наташенька, сегодня выяснилось — моя должность будет состоять в следующем. В Земгоре работает 19 дружин, т. е. приблизительно 50 тысяч человек, и Земский союз хочет обставить условия жизни рабочих наилучшим образом, чтобы дружины имели бани, прачечные, помещения с достаточным количеством воздуха. Инженеры, начальники дружин пренебрегают многими необходимыми удобствами для рабочих, и моя обязанность будет ревизовать дружины, улучшать условия жизни рабочих. Завтра еду знакомиться с первым учреждением под Минском. <...>

Люблю тебя, моя прекрасная душечка, ты спишь мне каждую ночь, и сейчас лег отдохнуть после обеда и видел, как ты шла по каким-то переулочкам, оглядывалась на меня и улыбалась. Как удивительно, что нам предстоит еще целая жизнь счастья. Вообще о тебе без волнения нельзя думать, ты вся живая, изменчивая и чудесная, как душа, любя тебя, чувствуешь в себе любовь как что-то бессмертное. Милая, душенька моя, Наташа, храни тебя господь. Целую тебя нежно.

Твой муж А. Т.

Поцелуй детей, Дюну и всех. Р. S. Сейчас звонил по телефону Чулков¹. Мы хотим с ним снять квартиру в три комнаты, потому что в общежитии работать нельзя. Пиши мне, милочка.

Впервые (частично): *Крандиевская*, с. 126.

¹ Писатель Георгий Иванович Чулков (1879—1939) приехал в Минск в начале декабря 1916 г. (см. его письма к жене.— ИМЛИ, ф. 36, оп. 3, № 14).

22

24 декабря 1916 (6 января 1917), Минск

24.

Милая любовь моя Наташечка, сейчас у нас полно народу, накрывают на стол, зажигают елку, и мне так грустно — места нет. Любовь моя, люблю тебя, как только могу. Все последнее время я вот о чем думаю. В христианском сознании есть один огромный, основной недочет, мне непонятный. Нужно заботиться о моей душе, любить бога моим сердцем, но для меня это предательство, измена. Я ничего не хочу один. Я хочу с тобой, вдвоем. Если с тобой, то я хочу бессмертия, если один — то мне ничего не нужно за гробом. Ни там, ни здесь я не могу без тебя. Не могу, потому что люблю тебя больше себя, должно быть, или потому, что любить тебя — радость, и вне нашей любви — смертельный холод, тоска. Мне очень грустно.

Душенька моя, поздравляю тебя с праздником, господь с тобой. Поцелуй детей и тетю Машу¹. Целую твои руки, и в губы, и в нежную шейку, и в глаза.

Твой муж

Публикуется впервые.

К письму приложен автограф стихотворения Н. В. Крандиевской, написанного в ответ на письмо Толстого:

Когда архангела труба
Из гроба нас подымет пением,
Одна нас поведет судьба
По рассветающим селениям.

И там, на берегах реки,
Где рай цветет, нам уготованный,

Не выпущу твоей руки,
Когда-то на земле целованной.

Мы сядем рядом, в стороне
От сонма чистых и прославленных
И будем помнить о земле,
О всех следах, на ней оставленных...

¹ Во время пребывания Толстого в Англии в его московской квартире на Молчановке поселилась Мария Леонтьевна Тургенева (1857—1938), родная сестра его матери. «Тетя Маша была живым источником семейных легенд, преданий и хроники. Из этого источника Толстой не раз уже черпал для своего творчества („Заволжье“, „Неделя в Тургенево“, „Хромой барин“, „Две жизни“).

...Пребывание тети Маши у нас в доме весной и летом 1916 года несомненно способствовало написанию пьесы „Касатка“» (*Крандиевская*, с. 122). М. Л. Тургенева оставила воспоминания о своей жизни, о семье Толстого (ЦГАЛИ, ф. 494, оп. 1, ед. хр. 10).

Миленькая Тэдди, любимая Тусенька, не столько меня обрадовала телеграмма¹, как твоя приписочка, потому что я тебя ужасно люблю, выше всякой возможности. И, между прочим, очень соскучился по тебе, любимые глазки. Вчера приехали в Киев. Я уже получил 20 червонцев и отработал аванс — 15 червонцев. Осталось 4 лекции. На первый день пасхи² я буду (утром) дома.

В Минске, как я и ожидал, — никакой контрабанды нет. Меня проводили за нос два дня, и я купил тебе только синий отрез трикотажу на платье. В Киеве купил пудру и туфельки самые острые, какие имелись, из бокс-кульф, коричневые, фасона, как твои замшевые, без лямки. Если будут малы, можно будет послать переменить на № выше. С лекциями у нас средне. В Орше не состоялась. В Минске — где уже был аншлаг — театр забрали под кино для красной армии, и лекция не состоялась. В Бобруйске лил проливень, а к часу лекции выпал снег почти по колено и люди завязли в грязи — сбор был гнусный. Котинский (мой импрессарио) подписал со мной контракт на летнюю поездку. Мы предполагаем поехать по Волге и Кавказу: я буду читать лекции и играть в двух моих пьесах, очевидно, в «Касатке» и в «Люви»³. Это даст мне около двух тысяч золотом. Я решился на это, чтобы окончательно обеспечить себе осень, спокойную работу. Навидался я по дороге очень многого. Типы, рассказы, города. Все это интересно и важно. Такая поездка дает знание России и расширяет кругозор.

Когда я получил твою телеграмму — ты не можешь представить радость. Я боялся, что провал. Котинский заорал на весь почтамт. Сейчас же мы выдали барышне-почтмейстерше две контрамарки. Котинский побежал в газету, устраивать в городе бум, перед лекцией.

Здесь в Киеве я в первый раз за всю поездку отдыхаю. Ездил так: в 12 я кончал лекцию, в 3 ночи — на вокзал, на следующий день — лекция.

Целую тебя, моя любимая, моя дорогая. Поцелуй Мимишку⁴, Никиту, Фефу, Марьяну⁵. Преданный тебе до гробовой доски.

Писатель Кумпферднрое

Поздравь от меня театр. Скажи, что особенно обнимаю Монахова⁶ и Лаврушу⁷. Привет и благодарность Хохлову⁸. Скажи, что в Гомеле я по часам следил, когда начался и когда кончился спектакль. Я трусил в Гомеле ужасно, даже болел живот.

Впервые (частично): *Крестинский*, с. 145.

Датируется по содержанию. В конце марта 1924 г. Толстой вместе со своим импрессарио Котинским выехал в лекционное турне по городам Белоруссии и Украины. Он посетил Минск, Бобруйск, Могилев, Смоленск, Киев.

¹ В телеграмме Крандиевская сообщала Толстому об удачной премьере спектакля по пьесе «Бунт машин», состоявшейся 14 апреля 1924 г. в Ленинградском Большом Драматическом театре.

² Пасха в 1924 г. приходилась на 27 апреля.

³ Имеется в виду пьеса Толстого «Любовь — книга золотая».

⁴ Мимишка — неустановленное лицо.

⁵ М. А. Толстая (р. 1911), дочь Толстого и С. И. Дымшиц, жила с перерывами в семье отца.

⁶ Николай Федорович Монахов (1875—1936) — один из организаторов БДТ, народный артист РСФСР (1932). В пьесе «Бунт машин» играл роль Обывателя, которая считалась одной из лучших его сценических работ.

⁷ А. Н. Лаврентьев — см. примеч. 4 к п. 11. В 1919—1929 гг. работал в БДТ режиссером и актером, был одним из постановщиков спектакля «Бунт машин».

⁸ Константин Петрович Хохлов (1885—1956) — народный артист СССР (1944), в 1921—1925 гг. — режиссер БДТ, осуществил постановку пьесы «Бунт машин».

24

7 сентября 1927, Детское Село

Милая, родная моя Наташенька, улетевшая птица, самостоятельная лягушка-путешественница¹. Получил твою карточку, — у тебя прелестное лицо. Дай бог тебе хорошо поправиться, но только, умоляю тебя, не налегай на худение. Помнишь, что было со Щеголевым?² Главное, чтобы выгнать из себя соли, поправить нервы и отдохнуть.

Ты прости, что редко пишу тебе. Я почти не выхожу из дома, — так много работаю. 13 сент. назначено у Корша чтение моей пьесы³, и я буду читать сам, стало быть, 12-го до 5 часов пьеса должна быть окончена. У меня были Попова и Кторов⁴. Я им читал два акта. Они были взволнованы и восхищены. (Смотри, не говори Радину и Шатровой про Попову, они лютые враги). Радину скажи, что пьесу я привезу и что там главная роль для Шатровой. Я дам им пьесу для Краснодара⁵.

Пьеса называется, быть может, «Возвращенная молодость»⁶. Пока лучшего названия нет. В ней есть полуфантастический элемент. Начинается она большой драмой. В 3-й картине перелом и 4 и 5 картины — комедия.

Действующие лица:

Маша, Мария Алексеевна — 41 г.

Зарубин Сергей Петрович ее муж — 35 л<ет>, архитектор, художник.

Юлия Беспрозванная — звезда экрана.

Прищепихин — гениальный изобретатель — 50 лет (комик-резонер).

Гирькин — готовится к конкурсным экзаменам.

Таня — 19 лет, <служит> прислугой, она же на втором курсе в драматической студии.

Горваро — кинорежиссер.

Кощеев — хозяйственник.

Призент — делец.

Действие происходит в Москве, в наши дни. 1 картина — кухня, 2 — улица ночью, 3 — комната-лаборатория у Прищепихина, 4 — спальня у Юлии Беспрозванной, 5 — Тверской бульвар во время книжной ярмарки.

Пока что все идет хорошо. Но я чрезмерно устал, не знаю, как дотяну.

Все наши здоровы. Белкины⁷ дуются. Дети веселы, с жадностью кидаются на твои письма. 8-го Юлия с Митькой⁸ возвращаются в город.

Целую тебя, моя ненаглядная радость. В Ессентуках я буду 17-го, так как думаю, что у Корша меня с деньгами не задержат. Привет Радиным. Поручение твое с книгой исполню.

Твой А. Толстой

Впервые (частично): *Крестинский*, с. 145.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ В это время Крандиевская лечилась в Кисловодске.

² Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) — историк революционного движения, пушкиновед; соавтор Толстого по пьесам «Заговор императрицы» (1925), «Азеф» (1926), друг писателя; сохранилось 8 писем Щеголева, относящихся к 1925—1926 гг. (ИМЛИ, ф. 43, № 7015—7016, 7022—7028).

³ Речь идет о пьесе «Фабрика молодости».

⁴ Вера Николаевна Попова (1889—1982) — в 1927 г. актриса Московского драматического театра (бывш. Корш); нар. артистка РСФСР (1948); в спектаклях по пьесам Толстого не участвовала. Анатолий Петрович Кторов (1898—1980) — в 1927 г. актер Московского драматического театра (бывш. Корш); нар. артист СССР (1963); в спектакле по пьесе «Фабрика молодости» участия не принял; ранее на сцене Московского драматического театра сыграл в спектаклях по пьесам Толстого «Заговор императрицы» и «Азеф».

⁵ Елена Митрофановна Шатрова (1892—1976) — в 1918—1932 гг. актриса Моск. драматического театра (бывш. Корш); нар. артистка СССР (1972). Николай Мариусович Радин (1872—1935) — в 1918—1932 гг. актер Московского драматического театра (бывш. Корш); засл. артист РСФСР (1925). С сентября 1927 по 6 октября 1928 г. Е. М. Шатрова и Н. М. Радин работали в Краснодарском драматическом театре, куда их пригласил главный режиссер этого театра А. А. Сумароков. Причины, по которым они на время покинули Москву, подробно изложены в книге Е. М. Шатровой «Жизнь моя — театр» (М.: Искусство, 1975, с. 195—199). В спектакле по пьесе «Фабрика молодости» Шатрова играла роль Маши. Шатрова и Радин были близкими друзьями Толстого.

⁶ Окончательное название пьесы — «Фабрика молодости».

⁷ См. примеч. 9 к п. 11.

⁸ Юлия Ивановна Уйбо — «нанятая к детям бонна, которой суждено было прожить в нашей семье более двадцати пяти лет» (*Крандиевская*, с. 123).

Дмитрий Алексеевич Толстой (р. 1923) — младший сын Толстого и Крандиевской.

25

17 августа 1928, Кисловодск

17/VIII

Наташенька родная, любимая, не тревожься, я не могу предположить, чтобы образ упал на беду, — упал, потому что винт был плох. Я даже могу предположить, что это было предостережение, но не беда... Нет, нет... У меня не было этого чувства, когда прочел твое письмо.

Я о тебе ужасно скучаю. Ни в каком случае один ездить без тебя не буду¹, так это ты и заруби на носу. Здесь ужасная погода, сегодня в первый раз солнце выглядывает, погрееет немного и

*Н. В. Крандиевская-Толстая
с сыновьями Никитой и Дмитрием.
Фотография. Детское Село, 1927. ИМЛИ*

опять за тучу, а всю эту неделю лил дождь, о прогулках нечего было и думать. У меня в подвальчике, как в погребе, сплю в теплой куртке, покрываюсь халатом Ник^олая Мих^айловича². С животом лучше, но все еще слабость и противно есть.

Сегодня условился с Полонским написать ему для ноябрьской книжки рассказ о Петре, который будет канвой для драмы³. Так как времени очень мало, то прошу тебя о следующем:

- 1) Немедленно вышли мне в Кисловодск книгу дело Монса⁴.
- 2) Начни читать сама о следующем: а) казнь стрельцов и все, что было вокруг нее; б) все материалы по Всешутейшему собору.
- 3) Попроси Федора⁵ купить письма Петра к Екатерине⁶.

Я думаю поступить так. 1-го сентября еду из Кисловодска на Тифлис — Батум, оттуда на пароходе в Одессу с заходом в порты Новороссийск, Керчь, Севастополь, Ялту. Из Одессы — на Херсон, на Екатеринослав и оттуда через Киев прямо на Детское Село, минуя Ленинград. За неделю путешествия я смогу получить хотя бы зрительные впечатления от мест, которые будут описаны в романе⁷. Книгу о Монсе буду читать в дороге.

Никита был так мил, весел, нежен и очарователен, что мне было грустно с ним расставаться. Они с дедом⁸ думают около 15—17 быть в Детском Селе.

Коля и Надя⁹ начали брать нарзан. Но они плохие ходоки и дальше пятачка утянуть их трудно. Через несколько дней я опять начну ходить в горы, если позволит погода.

Нежно целую тебя, мой единственный ангел, самый любимый человек в мире. Люби меня, пожалуйста. Поцелуй Митьку и всех.

Впервые (частично): *Крестинский*, с. 176.

¹ В июле — августе 1928 г. Толстой отдыхал в Кисловодске.

² Николай Михайлович — неустановленное лицо.

³ Вячеслав Павлович Полонский (Гусин, 1886—1932) — критик, журналист, автор статей об А. Н. Толстом. В 1926—1931 гг. — редактор журн. «Новый мир», в котором (1928, № 11) и был напечатан рассказ Толстого «Подкидные дураки». Толстой работает над пьесой «На дыбе», закончил ее в декабре 1928 г.

⁴ Очевидно, Толстой имеет в виду книгу: *Семевский М. И. Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Виллим Монс: 1692—1724*. СПб.: Изд-во ред. журн. «Рус. старина», 1884.

⁵ Ф. Ф. Волькенштейн.

⁶ Отдельного издания писем Петра Первого Екатерине нами не обнаружено. В 1887 г. Российская Академия наук предприняла многотомное издание «Письма и бумаги императора Петра Великого». Письма Петра Екатерины печатались в томах IV—V в 1900 и 1907 гг. Позднее это издание было продолжено, последний том (XII) вышел в 1977 г. (М.; Л.: «Наука»).

⁷ Имеется в виду роман «Восемнадцатый год», над которым Толстой работал в 1927—1928 гг.

⁸ С. А. Скирмунт, см. примеч. 1 к п. 19.

⁹ Художник Николай Эрнестович Радлов (1889—1942) и его жена Надежда Константиновна — друзья Толстого.

26

28 августа 1929, Коловертный

Поселок Коловертный

28 авг.

Тусинька милая, прекрасная, сегодня видел тебя во сне и у меня радостное настроение. Мы плывем 8-е сутки и вчера вечером остановились в первый раз в поселке, откуда едем на 2 дня в степь на дудаков и гусей.

Каждый день отплываем часов в 10—11, плывем мимо прекрасных песчаных берегов, на Урале ни души, несколько раз встретили лодку бакенщика, видели пароход. Урал пустынен, как тысячи лет назад. Стреляем, гребем. К 4 выбираем стан, высаживаемся на песке, разбиваем палатку, кто идет охотиться, кто ловит рыбу, кто занимается стряпней. Обгорели, устали, но настроение прекрасное.

Один из экспедиции (нас 9 человек на 2 лодках) сжегся так сильно, что уже неделю болен.

Странно стелить постель на песке, ложиться под звездами среди пустыни. Чувство тоски, величия звездного неба. Спишь каменным сном. Часов в 5—6 идешь купаться. Я очень доволен, несмотря на усталость, испытываешь трудные и редкие (для нас, городских) ощущения.

Числа 10—12 думаю сесть на пароход и возвращаться. Живем мы дружно и весело. Сегодня спали в избе и пили чай во дворе,

сидя на стульях,— и это кажется комфортом. Целую тебя, любовь моя вечная. Поцелуй детей.

Твой А. Т.

Правдухины шлют тебе горячий привет.

Впервые (частично): *Крестинский*, с. 188.

15 августа 1929 г. Толстой вместе с Л. Н. Сейфуллиной, ее мужем В. П. Правдухиным, двумя его братьями и др. выехали в Уральск и оттуда вниз по реке Урал.

Поздравляя Толстого с 60-летием (11 января 1943 г.), Л. Н. Сейфуллина писала: «Я вспоминаю, как мы вместе с ним (Толстым.— *Е. Л.*) одним знойным летом кочевали в качестве рыболовов и охотников по берегам реки Урала (Яика). Выжженная степь. Жара такая, что, казалось, мозги расплавились в голове. А Толстой ходил по степи со своей записной книжкой, работал неуклонно каждый день и работал продуктивно» (Октябрь, 1979, № 4, с. 202).

27

15 декабря 1929, Детское Село

Что нас разъединяет? То, что мы проводим жизнь в разных мирах, ты — в думах, в заботах о детях и мне, в книгах, я в фантазии, которая меня опустошает. Когда я прихожу в столовую или в твою комнату,— я сваливаюсь из совсем другого мира. Часто бывает ощущение, что я прихожу в гости. Второе, что нас разъединяет: ты понимаешь происходящее вокруг нас, всю бешеную ломку, стройку, все жестокости и все вспышки ужасных усилий превратить нашу страну в нечто неизмеримо лучшее. Ты это понимаешь, я знаю и вижу. Но ты как женщина, как мать инстинктом страшишься происходящего, всего неустойчивого, всего, что летит, опрокидывая. Повторяю,— так будет бояться всякая женщина за свою семью, за сыновей, за мужа. Я устроен так,— иначе бы я не был художником,— что влекусь ко всему летящему, текучему, опрокидывающему. Здесь моя пожива, это меня возбуждает, я чувствую, что недаром попираю землю, что и я несу сюда вклад. Когда тыходишь в столовую, где бабушка раскладывает пасьянс, тебя это успокаивает. На меня наводит тоску. Он тишины я тоскую. У меня всегда был этот душевный изъян,— боязнь скуки.

Не думай, что эта разность в ощущении жизни не должна сказаться на взаимоотношениях. На тебя болезненно действует убожество окружающей жизни, хари и морды, хамовато лезущие туда, куда должно бы входить с уважением. Дегенерат, хам с губами и волосатыми ноздрями,— повергает тебя в содрогание, иногда он заслоняет от тебя все происходящее... Я стараюсь этого не замечать, иначе не увижу того, что тот заслоняет. Хамская рожа мне интересна как наблюдение... Понимаешь, какая разница в восприятиях. От этого накапливается раздражение — непонимание, ссоры.

Ты говоришь, мы друг друга не понимаем. Неверно. Очень понимаем, но иногда не хотим понимать, потому что сердце зло.

Вот, может быть, что ты мало знаешь во мне: это холод к людям.

Я люблю только трех существ на свете — тебя, Никиту и Митю
<...>

Когда я бываю на людях, то веселюсь (и меня считают очень веселым), но это веселье будто среди призраков. И это тоже меня удручает. И вот почему я все забываю, даже лица, имена, не говоря уже о словах и жестах...

Единственная живая плоть на земле — это ты и Митька с Никиткой. Я вас очень люблю и очень вам предан. Истинная это любовь, полулюбовь, низкая любовь, — ей богу, не знаю, и про то, что такое любовь, не имею понятия. Но знаю, что это все же главное в моей жизни, потому что к работе своей отношусь как-то тоже с холодком: у меня нет острого самолюбия, процесс творчества доставляет истинное наслаждение, но я ставлю себе вопрос: будь я обеспеченным человеком, как бы я работал? Наверно, в 10 раз меньше. Я, может быть, нашел бы другую забаву, чтобы скрасить много, много лет дребезжащую во мне тоску земного существования.

Боюсь ли смерти? Теперь почти нет. Но боюсь смерти твоей и детей. Твоей смерти боюсь оттого, что меня будет неотступно преследовать твой образ где-то в непоправимом одиночестве смерти, твоя беззащитность в том неведомом мире. То, что ты ушла. Вот это непереносимо страшно. Что делать, чтобы этого не было, — не знаю. Нужно прощать друг другу и, коли мы только можем, любить друг друга, любить как два растения, прижавшиеся друг к другу в защиту от черной непогодной ночи.

Впервые (частично): *Щербина*, с. 242.

Датируется по позднейшей помете Крандиевской.

Об обстоятельствах, вызвавших это письмо, подробно рассказано в дневнике Крандиевской:

«Зима 1929. Пути наши так давно слиты воедино, почему же все чаще мне кажется, что они только параллельны? Каждый шагает сам по себе. Я очень страдаю от этого. Ему чуждо многое, что свойственно мне органически. Ему враждебно всякое погружение в себя. Он этого боится, как черт лаdana. Мне же необходимо время от времени остановиться в адовом кружении жизни, оглядеться вокруг, погрузиться в тишину. Я тишину люблю, я в ней расцветаю. Он же говорит: „Тишины боюсь. — Тишина — как смерть“.

Порой удивляюсь, как же и чем мы так прочно зацепились друг за друга. мы — такие противоположные люди?

Вчера Алеша прочел эту страницу из моего дневника и ответил мне большим письмом, а в добавление к нему сказал сегодня утром: „Кстати, о тишине. Ты знаешь, какой эпиграф я хочу взять для нового романа? Воистину, в буре — бог. Тебе нравится?“ — „Замечательный эпиграф“, — ответила я и подумала — да, бог в буре, но в суете нет бога» (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 106, л. 15).

23 июля

Милая, Голубенькая, завтра мы уезжаем в Ростов¹. Здесь мы видели большую часть строительства. Это, действительно, грандиозно. Дальнейший план таков — Ростов, Краснодар, где думаем по-

сетить Жлобу², и Темрюк — рыбные промыслы. Здесь почти тропическая жара, что будет южнее — страшно и подумать. Купаемся в Волге на бархатном песке. По вечерам выпиваем по два самовара, встаем в 8, чувствуем себя прекрасно. Вячеслав³ очень мил, иногда начинает вполголоса дудеть «Выдь на Волгу» или что-нибудь в том же роде и осторожно вздыхает по Клавочке⁴. Льва⁵ ругаем, но не ссоримся. Я непременно возьму тебя на будущий год по Волге, — это дивно, особенно вечера, когда с берегов тянет уставшей за день землей, то сеном, то прохладой оврагов и Волга кажется беспредельной. Огоньки на плотках, огни на встречных пароходах.

Как ты живешь, бесценная любовь моя, Тусинька, Тява, милая Крошка, Голубенькая? Переехала ли Марьяна?⁶ Передай Никите, чтобы слушался. Я его очень люблю, но это ничего не значит, приеду, оторву уши, если скверно обращается с матерью. Что маленький безумец?⁷ Когда кончает Фейфа? Я думаю вернуться к 15, если запоздаю — только дней на 5. В Темрюке мы с Вячеславом хотим поехать к рыбакам на промыслах. Но Лев мечтает о буржуазной жизни под «тендом» в Мисхоре

Любимая девочка, главное, не волнуйся ни по какому поводу, все мелочь, все условно. Береги себя. Если запаздывает ремонт — пу и пускай запаздывает. Вот когда помотаешься по России, то дом в отдалении кажется раем, а если того не хватает или этого — чепуха. Миленькая, не расстраивай себя.

Вернусь, думаю, с хорошим матерьялом. Люди проходят передо мной, как в панораме.

Крепко целую тебя, поцелую деток.

Твой А. Толстой

Впервые (частично): *Щербина*, с. 596.

¹ В июле — августе 1930 г. Толстой вместе с писателями В. Я. Шипковым и Л. Савиным совершил поездку по маршруту: Ленинград — Рыбинск, далее паромом Горький — Сталинград, поездом: Ростов-на-Дону — совхоз № 2, совхоз «Гигант» — Сальск — Краснодар, по реке Кубань в Темрюк, на лошадях в Тамань, оттуда через Керченский пролив в Керчь и Феодосию.

² Дмитрий Петрович Жлоба (1887—1938) — участник гражданской войны.

³ Вячеслав Яковлевич Шипков (1873—1945) — писатель, близкий друг Толстого, жил в Детском Селе. Сохранились письма Шипкова Толстому (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 1265).

⁴ Клавдия Михайловна — жена В. Я. Шипкова.

⁵ Лев Савин (Савелий Моисеевич Лев) (1891—1947) — писатель, автор романов «Юшка» (1929) и «Нафта» (1935). Знакомство с Толстым в 1928 г. сыграло решающую роль в судьбе Савина: «В городе Кисловодске я прочел А. Н. Толстому отрывки из моего первого романа „Юшка“. (...) Он кончил слушать и сказал: „Пишите дальше“» (ЦГАЛИ, ф. 2510, оп. 1, ед. хр. 48, л. 21).

Сохранились дневниковые записи Савина об этой поездке и статья о Толстом «Глаз и чувство», в которой подробно описано их путешествие по Волге (ЦГАЛИ, ф. 2510, оп. 1, ед. хр. 47). Сохранилось также 3 письма Толстого Л. Савину 1929—1934 гг. (ЦГАЛИ, ф. 2510, оп. 1, ед. хр. 79).

⁶ М. А. Толстая.

⁷ Д. А. Толстой.

27 июля

Тусинька моя родная, завтра или послезавтра — направляемся в совхоз «Гигант» и в Краснодар. После того где мы проведем неделю на море — еще не знаю. Здесь тропическая жара — день и ночь льет пот, пьем боржом, чай ведрами. Вчера были на Сельмашстрое, впечатление еще более грандиозное, чем в Сталинграде. Между прочим, не позабудь сделать следующее: вышли книгу «Петр», — если ты уже получила, — по адресу: Ростов/Д. Сельмашстрой, главному инженеру Владимиру Юльевичу Гану¹. Ган оказался моим бывшим репетитором, когда мне было 17 лет, а с его братом мы были школьными товарищами².

Какая благодать, Тусинька, Детское в сравнении с этими раскаленными улицами и вихрями пыли на стройках. Намерение наше, — мое и Вячеслава, — послать вам рыбы и икры — пока еще не осуществилось. Надеемся на Краснодар. До моря мы доберемся едва живыми от жары. Лев отбивается от нас, — его влечет «европейская культура» на крымском пляже.

Не получил от тебя еще ни строчки. Завтра, думаю, придет письмо. Я уже соскучился, и очень сильно, по тебе, моя голубенькая, — как ты там справляешься одна? В Краснодар мне не пиши, но, если нужно, телеграфируй до востребования. Телеграмму твою в Сталинграде получил в день отъезда.

Люблю тебя, целую в глазки, Тусинька родная. Поцелуй детей. Здесь так: ты покупаешь бутылку молока, через час она делается простоквашей, а к вечеру творогом. Что же делается с мозгами человеческими? Нет, милый север!..

Кланяйся Клавочке. Вячеслав все поет вполголоса. Занимается ловлей мух, в чем обнаружил несомненный недюжинный талант.

Впервые (частично): *Щербина*, с. 596.

¹ В неопубликованной статье «Глаз и чувство» Л. Савин описал встречу в Ростове-на-Дону, «где писателям пришлось присесть на школьную парту «Сельмашстроя». Техническим творцом его оказался старый знакомый Алексея Николаевича профессор Ган. Случайно подтвердился и факт биографии, когда профессор Ган был репетитором Алексея Николаевича по математике, и его ученик поспешил принести запоздалое извинение в малой успеваемости. У старого учителя были сутулые и узкие плечи, хилая и впалая грудь, речь глухая и тихая в стенах кабинета, но как все изменилось, когда он повел учеников знакомиться с наглядным пособием по истории. Она открывалась в каждом из восемнадцати цехов Сельмашстроя, каждая минута их роста заносилась в заводской дневник, как объем и вес подрастающего ребенка» (ЦГАЛИ, ф. 2510, оп. 1, № 47, л. 17).

² Имеется в виду Евгений Юльевич Ган (1882—1961), соученик Толстого по Самарскому реальному училищу, автор воспоминаний о юности Толстого. «Молодой А. Н. Толстой на фоне старой Самары и бытовой и политической обстановки того времени» (см. в кн.: А. Н. Толстой и Самара. Куйбышев: Куйбыш. кн. изд-во, 1982).

Краснодар. 1 авг.

Родная, милая, любимая Туся, ты самое дорогое для меня в жизни. Еще раз умоляю тебя, пайди в себе хоть немного холодка, эгоизма и береги себя,—нельзя себя растрчивать. Клянись тебе, это будет последнее лето и последний год хлопот. Довольно их раз и навсегда. Я хочу жить для тебя, и все это должны понять, что ты в центре всего, и служить тебе. Бабушке¹ скажи, что приеду — убью, так и скажи,— пусть ходит жаловаться. Марьяне скажи, что очень ее жалею, но пусть думает о тебе. Я чувствую, что все распустились и поживают сложа руки и заставляют тебя хлопотать, отдуваться. Это недопустимо. Передай это всем. Будет хуже, если я вернусь и начну наводить порядок.

Мы в Краснодаре вдвоем с Вячеславом². Лев³ раскис, как тесто, отстал в Ростове, он не может выносить грубой жизни,— аристократ. В общем он оказался противным человеком, суевливым, самовлюбленным, шумным и бестактным. Мы рады, что он отстал. Вячеслав страшно мил, но в дороге бестолков,— так это и скажи Клабочке. Мы с ним друзья. Здесь свертропическая жара, небывалая даже для здешних мест. Мы сегодня отдыхаем,— приехали в 3 утра,— в номере величиною в две наших столовых. Натурально по пояс голые, не только в номере, но и в коридоре, и на балконе над самой улицей. Покупаем помидоры и маленькие кубанские арбузики. Вчера у нас был рекордный день. Встали в 6 утра в Совхозе № 2, сели на автомобиль и по Сальским, ровным, как стол, степям, по дорогам, покрытым на вершок черноземной пылью, в 50-градусную жару покрыли невероятное пространство: степные станицы, совхоз «Гигант», американская коммуна и Сальск. После сели в поезд и с пересадкой в Тихорецкой — в Краснодар. Мы были в новом краю,— это что-то вроде Америки: десятки верст хлеба, машины, которые жнут и, двигаясь, обмолачивают хлеб,— комбайны. (Их работают сотни). Американские молотилки, дымящие мякиной из наклонных труб, вереницы несущихся в облаках пыли грузовиков, автомобили, хутора из домов на колесах и полотняных палаток. Сотни миллионов пудов хлеба. Дальше — пышная Кубань с бесконечными полями подсолнухов и проса (хлеб уже убрали), со станицами, утопающими в садах.

Послезавтра на пароходе едем по реке Кубани в Темрюк.

Душа моя, одна моя жизнь, любовь моя,— береги себя, ругайся и дерись, но отдыхай, будь веселенькой и здоровой. Детей целую. Бабушке очень сердечно грожу пальцем. Клабочке⁴ поклон. Люблю тебя.

Твой А. Т.

Впервые (частично): *Щербина*, с. 596—597.

¹ А. Р. Крандиевская (1865—1938) — мать Наталии Васильевны.

² В. Я. Шишков.

³ Лев Савин.

⁴ К. М. Шишкова.

29 марта 1932, Сорренто

Sorrento, 29/III

Тусинька, милая, — второй день в Сорренто¹. Все представляется сном. Неаполь и городки, горы, Везувий, море и лимонные сады. Когда освоюсь немного, напишу подробнее, — пока еще в голове хаос. Здесь меня встретили, как родного, вчера и сегодня я в гостинице, но с завтрашнего дня буду у Горьких. При их вилле сад с пальмами, настурциями и цветами, террасой ниже — тень. Идти вниз узенькими в три-четыре метра извилистыми улочками (за каменными изгородями на высоких деревьях висят лимоны те самые, которые подают к чаю) — спускаешься к морю, к римским развалинам. На той же стороне в синеве курится Везувий.

Тусинька, сделай экстренно и умненько вот что: Горькие уезжают отсюда 20 апр., я уеду на 2 дня раньше, так как у меня дела в Берлине с Каганским и, очевидно, с получением денег от Рабиновича². Если Генрих вышлет мне корректуру 10-го³, то она меня в Сорренто не застанет, и получится катастрофа. Нужно, чтобы выслана была немедленно.

Тимоша⁴ сидит без денег, ждет из Москвы. У меня всего 100 марок. Пожалуйста, Тусинька, милая, устрой все экстренно и спешно. Такой спешный отъезд Алексея Максимовича объясняется тем, что он хочет до 1-го мая побывать на Днепрострое⁵. В Берлине я с ним соединюсь, и, по-видимому, в Москве мы будем числа 25 апреля. Грустно, что так коротко в Италии, но ничего не поделаешь.

Алексей Максимович приглашает тебя осенью в Сорренто, куда ты осенью, тята-лапа-кукуля, и приедешь. Так к этому и готовься. Я же буду в Детском сторожить дом.

Нежно целую тебя. Все тебе шлют привет.

Твой А. Толстой

Впервые (частично): ЖЗЛ, с. 274.

¹ В середине марта 1932 г. Толстой выехал в Италию, в Сорренто к Горькому (см.: Лит. наследство, т. 74, с. 327—330).

А. Н. Толстой.
Фотография М. А. Пешкова.
Сорренто, 1932.
Музей им. А. М. Горького, Москва.
Публикуется впервые

² Иосиф Яковлевич Рабинович — юрист, был посредником Толстого в издательских делах за границей.

³ Генрих — неустановленное лицо.

⁴ Так в домашнем кругу называли Надежду Алексеевну Пешкову (1901—1971), жену сына Горького — М. А. Пешкова.

⁵ Толстой уехал из Сорренто 19 апреля 1932 г., Горький — 21 апреля; осуществить поездку на Днепрострой Горькому не удалось.

32

1 апреля 1932, Сорренто

1/IV 1932

Тусинька милая, получили вашу телеграмму. Алексей Максимович благодарит, все тебе шлют привет. Позавчера были в Неаполе, были на нашем корабле, идущем во Владивосток, на нем уехал Соловей (Иван Николаевич)¹. Я переехал в его комнату из гостиницы к Алексею Максимовичу. Вечером были на Жозефине Беккер² (ее гастроли в Неаполе). Это фантастическая трепотня и очковтирательство. Великолепный джаз из 14 человек, конференсье французишко — мелкий кот, декорации: серебряный в блестках задний занавес, второй из настоящих кружев; музыканты в сомбрерах, в розовых шелковых куртках, играли, болтали, трепались и, наконец, вышла Жозефина — жирноватая бабища, очень хорошо сложенная, но абсолютно не умеющая ни танцевать, ни петь (голосишко слабенкий). Костюмы роскошные, голова в металлической пудре, длинные пальцы с металлическими ногтями, но, видимо, разжирела и уже не то, и успех очень средний.

Здесь сильные ветра, с каждым днем теплее, дождь, воеет ветер во всем доме. По вечерам играем в подкидные дураки. Завтра едем смотреть Неаполь, послезавтра Помпею³. Затем я сажусь работать. Когда приедет Крючков⁴ — поедем в Рим.

Сижу пока без одного сольда денег.

Купил тебе и Маше⁵ береты, тебе перчатки, Машке платье и к нему вязаный жакет с металлическими пуговицами. Платье и жакет стоили 140 лир, т. е. 14 руб. золотом. Тусинька, непременно пришли размеры Никиты и Фефы. На случай, если будет благополучно с деньгами, привезу из Берлина по готовому костюму.

Митеньке посылаю 4 открытки. Тебя нежно целую. Целую всех.

Твой А. Толстой

Публикуется впервые.

¹ Иван Николаевич Ракицкий (1883—1942) — художник, жил в семье Горького с 1917 г. «Соловей» — его шутовское прозвище.

² Жозефина Беккер (1906—1975) — американская артистка, эстрадная певица и танцовщица.

³ См. запись Толстого в дневнике 1932 г.: «3/IV. Восхождение на Везувий. Внизу в сипих сумерках огни, как Млечный путь. Огни по краю залива. (...) Поездка в Помпею. Голубые фрески» (Лит. наследство, т. 74, с. 331).

⁴ Петр Петрович Крючков (1889—1938) — секретарь А. М. Горького.

⁵ М. А. Толстая.

10/IV

Тусинька милая, не писал тебе эти дни потому, что вместо отдыха и всяких наслаждений лазурным берегом — простудился на адских сквозняках и заполучил флюс, к тому же получил корректуру «Черного золота» и корпел над ней¹. Вчера, наконец, отвязался от пакости. Был в Неаполе, бродил по старым улочкам, ступеньками поднимающимися на высокие скалы над заливом. Сегодня были с Афиногеновыми² в Помпее. Сегодня был первый лазурный день. Помпея потрясла меня, писать не хочется об этом, я купил альбом и подробно расскажу по приезду. Помпея — это был город такой изумительной культуры, о которой мы не знаем. Весь он с колоннами, садиками внутри домов, с театрами, пестрыми и живописными улицами, кабачками, храмами — на фоне лазурного воздуха и вдаль, видный отовсюду сквозь колоннады, курится Везувий.

Тусинька, ужасное недоразумение с меркой твоей ноги. Ты дала длину ступни, — 26 см. Это размер 39, и туфли такого размера на вид, по-моему, тебе велики. По получении этого, смеряй еще раз голую ступню и размер в сантиметрах телеграфируй по адресу Тер-Григорьяна³, Kurfürstenstrasse 33, «Книга», для меня.

Я выеду отсюда 18-го или 19-го. Пешковы все двумя днями позже, и, по-видимому, 23-го выедем из Берлина в Москву.

Ужасно, что я ничего не успел сделать с пьесой⁴. Числа с 3-го — 4-го в Детском придется засесть за нее, как сумасшедшему. Целую тебя нежно. Поцелуй всех. От Гули⁵ еще нет телеграммы.

А. Толстой

Впервые (частично): ЖЗЛ, с. 291.

¹ Над романом «Черное золото» Толстой начал работать в конце 1930 г., закончил в декабре 1931 г. Книга вышла в свет в 1932 г. (М.: Гослитиздат).

² Александр Николаевич Афиногенов (1904—1941) в марте-августе 1932 г. находился в заграничной поездке. Он побывал в Польше, Швейцарии, Италии, Франции. Три недели, с 22 марта по 12 апреля, писатель с женой провел в Сорренто, у М. Горького (См.: Советские писатели: Автобиографии. М.: Сов. писатель, 1966, т. 3, с. 17).

³ Паруйр Аветович Тер-Григорян (Григорьян) (1879—1938) — зав. Берлинским отделением «Международной книги».

⁴ Имеется в виду пьеса «Патент 119», написанная Толстым совместно с А. О. Старчаковым в августе 1932 г.

⁵ Гуля — неустановленное лицо.

Тусинька любимая, друг моей жизни, — пишу тебе из фантастического места: в лопарской горной тундре, на берегу озера, в доме горной станции, в 12 верстах от Хибиногорска. Здесь мы живем 4-й день (Шишков и Никитин). Липатов и Павел¹, который даже без зубной щетки (проводил меня в Ленинград), вскочили в поезд, — находятся в Кандалакше. Там мы все ждем

подъема «Садко». Подъем должен был состояться 23 августа². Мы все выехали по предложению Эпрона (экспедиции подводных работ особого назначения), дорога, жизнь, питание и все — на их счет. После подъема нас везут по каналу. Но подъем затянулся до 2—3 сентября. Приходится ждать, и мы, чтобы не терять времени напрасно, выехали в Хибинь. Здесь изумительно. Сегодня жаркий летний день. Сейчас едем в совхоз, совершенное чудо за Полярным кругом. Впечатлений очень много. И, что интересно, — впечатления многое мне дают для Петра³.

Как ты устроилась, миленькая? Очень люблю тебя, поцелуй милого Митюшу. Скажи ему, чтобы он с тобой хорошо обращался. Съезди в Козы и вспомни нашу молодость⁴. Люблю тебя.

Твой А. Т.

Впервые (частично): *Щербина*, с. 597.
Датируется по содержанию.

В середине августа 1933 г. Толстой вместе с группой писателей, в которую входили Н. Н. Никитин, И. С. Соколов-Микитов, В. Я. Шипков и др., совершил поездку в Кандалаксу на подъем затонувшего в 1916 г. судна «Садко». Впечатления от этой поездки отразились в статьях Толстого «Новый материк» (*Известия*, 1933, 29, 30 сент.) и «Упорство, смелость, творчество» (*Комс. правда*, 1933, 8 окт.).

¹ Павел — скорее всего Павел Сергеевич Сухотин (1884—1935), писатель, соавтор Толстого.

² Подъем неоднократно переносился, состоялся 18 сентября 1933 г.

³ «...Трехдневное пребывание в этой деревушке. Ни почты, ни телеграфа. Связь для нас со всем миром была потеряна. (...) Рядом шумел Старый Выг, по которому когда-то протаскивал свои яхты Петр I.

(...) Когда я предложил нашим писателям такую интересную экскурсию по порогам на шлюпке, все почему-то сразу отказались, один Толстой Алексей пошел было за нами, — очень уж соблазнительно было проверить путь Петра...» (*Фельтен Н. Е.* Поездка группы писателей на подъем «Садко» осенью 1933 г.: Записки бригадира. — ЦГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, № 275, л. 73—74).

⁴ Из воспоминаний Крандиевской:

«(Лето 1915 г., Коктебель). Густо-синий ковер моря с узором белой пены на кайме разостлан у подножия скалы. (...) по шоссе монотонно скрипит арба. Я лежу на арбе, щекой на горячей от солнца дыне. А рядом сидит он. (...) внизу, в маленькой бухте Козы, море гудит нам свадебным органом (...)

— Ты счастлива?

— Да. А ты?

Лицо его светится так, что я отвожу глаза. Нет. Нельзя человеку глядеть в такое облажение чувств» (*Крандиевская*, 114).

28/VIII 1934

Тусинька, моя любимая, одинокая, вчера вечером, наконец, прочел доклад¹. Все говорят, что очень хорошо, — самый содержательный и самый короткий доклад. Тысячи три человек слушали очень внимательно. К сожалению, доклад, как и остальные три доклада, не будут опубликованы в газетах, так как они уже отпе-

чатаны. Читал я не по печатному, а перед выступлением переделал весь доклад, много из него выкинул и кое-что развил.

Вчера Молотов предложил мне через Крючкова подать заявление об импортной машине. К весне у нас будет дивный зверь в сто сил.

Никуся² вчера приехал из Горок на мой доклад, и здесь же вечером Маркичев³ принес телеграмму от Геньки⁴: «Принят университет, явка 28 обязательна». Вчера же я его со «Стрелой» отправил в Ленинград. Никуся хорошо отдохнул за эти дни, — катался верхом, на лодке, играл в теннис. Вчера Алексей Максимович очень хвалил его Бубнову⁵: умный, мол, и интересный и пр. и пр. Вообще Никуся куда бы ни поехал — чувствует себя, как дома. Приехал Фефочка⁶, бегаёт по делам. В отчаянии, что ему дают здесь в Москве только одну комнату. Ждёт Мапу⁷. Когда она приедет, Леся⁸ устраивает свадебный обед. Приехал Коля⁹ с больным сердцем. Гадяч ему не помог¹⁰, и вопрос стоит так, чтобы ему продлить отпуск, может быть, поехать в Цхалтубу.

Сейчас меня задерживает только зубной врач, — пилит мне зубы, снимает слепки, — ужасно утомительно и неприятно, но к 7 сентября обещает закончить, — во всяком случае, с правой стороны. Так что я приеду к тебе зубастым и едуном, а то сейчас я ем, как кролик, передними зубами.

Цхалтубу я заказываю на 15 сентября. Через Минеральные Воды проеду 10-го. Все это будет точно обусловлено заранее телеграммами. Во Владикавказе нас будет ждать автомобиль.

Бабушке¹¹ я написал вежливое, но суровое письмо. В ответ получил на 16 страницах видоплясовые вспли, — но в общем она обещает, что все будет покойно, чтобы я не беспокоился. Я уверен, что бабушка испугалась, что я буду о ней говорить на съезде. Получила ли ты 500 рубл., мое письмо и фотографии? О деньгах телеграфируй. Целую тебя, моя дорогая душечка. Коля и Леся тебя целуют.

А. Т.

Публикуется впервые.

¹ 27 августа Толстой выступил на I-м Всесоюзном съезде советских писателей с докладом «О драматургии», который был опубликован в журн. «Звезда» (1934, № 9) под названием «Путь восхождения», а также в ряде газет и журналов (см.: Русские советские писатели: Прозаики. Библиографический указатель. М.: Книга, 1968, т. 5, с. 175).

² Н. А. Толстой.

³ Маркичев — неустановленное лицо.

⁴ Генька — неустановленное лицо.

⁵ Андрей Сергеевич Бубнов (1883—1940) — государственный и партийный деятель; в 1929—1937 гг. — нарком просвещения РСФСР.

⁶ Ф. Ф. Волькенштейн.

⁷ Шутливое прозвище Лидии Николаевны Радловой — жены Ф. Ф. Волькенштейна.

⁸ Е. М. Шатрова — см. примеч. 5 к п. 24.

⁹ Н. М. Радин — см. примеч. 5 к п. 24.

¹⁰ Место на реке Псел, где отдыхал и лечился Н. М. Радин.

¹¹ А. Р. Крандиевская.

Тусинька, мое солнышко, спасибо тебе за письма. Я тебе не пишу, понятно, почему, — днем и вечером съезд (А. М.¹ несколько раз просил меня бывать, не пропускать), в 11 вечера банкеты и пр. Сейчас приехал Никуся, усталый, но очень счастливый. Сегодня же отправлю его в Горки. Как продление твоей путевки? Пожалуйста, телеграфируй, если не продлят: — Москва, ул. Воровского, Оргкомитет писателей, Хабалову². Копия Асмусу³. Вчера получил, наконец, извещение, что машина, специальный заказ, — сдана в производство и будет готова в первой половине октября, то есть к нашему приезду. Косте⁴ дают отпуск на сентябрь. Вчера же говорил с грузинами Табидзе, Паоло Яшвили⁵ и др., они нас ждут. Тусинька, я все же думаю сделать так: по Военно-Грузинской в Тифлис, несколько дней в Кахетии и заедем в Цхалтубу на 2 недели, и все дальнейшее — Армения. Море уже после отдыха. Иначе мне не выдержать. Я никогда так не уставал, как сейчас. Здесь мне такой почет отовсюду, какого никогда не бывало. Тусинька, напишу тебе в тихий час подробное письмо. Целую тебя и люблю, мой милый ангел.

Твой А. Т.

Никуся тебя целует. Леля⁶ обнимает.

Публикуется впервые.

Датируется по содержанию.

¹ А. М. Горький.

² Хабалов — сотрудник Дома ученых, позднее — Литфонда ССП (упоминается в письме А. М. Горького В. В. Иванову, июль 1934 г. — Архив А. М. Горького. ПГрл, 17—3—2).

³ Валентин Фердинандович Асмус (1894—1975) — доктор философских наук, профессор МГУ, во время I-го Всесоюзного съезда советских писателей работал в секретариате Оргкомитета съезда.

⁴ Костя — очевидно, шофер Толстого.

⁵ Тициан Табидзе (1895—1937), Паоло Яшвили (1895—1937) — грузинские поэты. Речь идет о поездке Толстого в Грузию и Армению, которую он осуществил в начале сентября 1934 г. (см.: *Кошут*, с. 66—80).

⁶ Е. М. Шатрова.

6 июля

Тусинька милая, родная, наконец-то я в Амстердаме у Лео Губертовича¹. Париж последних дней был сплошным сумасшедшим домом. С 9 утра в разных бистро напротив моей гостиницы меня караулили разные люди с разными просьбами². Непрерывно трещал телефон. За мной гонялись представители двух кинофабрик, находили меня в кафе на Елис(ейских) полях, в опустевших залах отеля Кляриджа. Эти опустевшие залы, эти грандиозные кафе, невероятной роскоши, где сидишь один, — производят впечатление,

как на вымирающей планете. Париж более жуткий, чем Берлин 32 года³... Все это расскажу по приезде.

В Амстердам я попал, как к себе домой. Ветер, серое небо, холмные каналы,— напоминают Ленинград. До чего дивный город. Сразу понимаешь Петра, его замыслы и мечты о рае. Заросшие столетними ясениями каналы, баржи и зубчатые, кирпичные дома с плоскими фасадами...

Я переночевал в Амстеротеле — чинной, тихой, роскошной настоящей голландской гостинице, и утром ко мне приехал Лео Губертович. Он встретил меня как родного сына. Ты помнишь его, — изумительный и очаровательный человек. И это особенно чувствительно после парижской публики, — после всей сволочи, жуков, жуликов, неврастеников, людей, потерявших чувство простой человеческой морали⁴.

9-го плыву в Лондон и там 13-го сажусь на «Смольный». Лео Губертович тебе посылает лорнет. Все, что ты просила, и многое другое, исполнено. Сегодня поедем смотреть машину.

Эта поездка, как ни одна, как никогда в моей жизни, — была наполнена самыми глубокими впечатлениями. Я высосал все, что можно, до последней капли. Зато и спал все это время 3½ — 4 часа. Но сегодня выпался в тихом Амстердаме, окнами на широкий канал.

Нежно целую тебя и детей.

Л. Г. шлет привет.

Твой А. Толстой

Впервые (частично): Юность, 1983, № 1, с. 90.

¹ Лео Губертович Пельтенбург — голландский лесопромышленник, в конце 1920-х — начале 30-х годов был сотрудником торгпредства в Ленинграде, где и произошло его знакомство с Толстым. Вместе с ним 6—8 июля 1935 г. Толстой ездил по северу Голландии с целью сбора материала для третьей книги романа «Петр Первый» (см.: «О Европе». — Толстой А. Н. ПСС, т. XIII, с. 508).

² В статье «О Европе» Толстой писал: «Кризис пустил глубокие корни во всех отраслях жизни. Больше всего он заметен в больших городах и особенно в Париже (...)

Внешне Париж — сумасшедший поток людей и автомобилей, роскошь магазинных витрин и пышность грандиозных кафе. Пусть вас не обманывает эта внешность; это не больше, чем сутолока растерянных людей...» (ПСС, т. XIII, с. 506).

³ Толстой говорит о впечатлении от посещения Берлина в марте 1932 г., по пути в Италию к Горькому.

⁴ Толстой имеет в виду представителей русской эмиграции в Париже. Л. Арагон вспоминал о пребывании Толстого в Париже летом 1935 г.: «Я всегда вспоминаю его таким, каким я его видел в 1935 году после международного съезда писателей в Париже, в кафе на бульваре Сен-Жермен, напротив улицы Фур. Он был окружен, как мухами, эмигрантами, отвечал на вопросы всех этих маленьких персонажей Достоевского, шоферов и княгинь. Они облепили этого величавого человека, медлительного и ироничного, я не могу забыть, как он щурил глаза, прикрывал рукой свой кофе, словно опасаясь, что кто-нибудь из его собеседников туда попадет» (Арагон Л. О советской литературе. — Иностранная литература, 1957, № 3, с. 210).

До 14 июля 1935, Лондон

Милая Тусинька, я выезжаю из Лондона на пароходе «Кооперация». Задержался я из-за того, что 14-го подписываю договор с английским издателем на «Петра»¹.

Из Парижа я вывез дочь Лизы Кузьминой-Караваевой², Гаяну. Она жила в нечеловеческих условиях и, кроме того, была лишена права работы. Девочка умная, коммунистка, ей нужно учиться в вузе. Я думаю так: до осени она будет в Детском, а осенью — в прежней комнате Марьяны у Дымшица³. Всю историю про Лизу (она монахиня) и про Гаяну расскажу подробно.

С этим пароходом (на «Смольном») я посылаю пакеты: 1) прожектор, автомобильные часы и полировочную воду, 2) 2 моих старых костюма, 3) грязное белье, 4) табак. Пожалуйста, Тусинька, выручи эти пакеты, если будут затруднения. Для этого нужно обратиться к Даниле Яковлевичу Грачу⁴.

Здесь я пропадаю в Британском музее. Грандиозно, целые новые миры. Зимой, видимо, пойдет моя пьеса⁵, и мы с тобой приедем в Лондон обязательно⁶. Лондон подавляет. Вчера ночью мы бродили по Темзе с Добужинским⁷.

Нежно целую тебя, моя дорогая душа.

Твой А. Толстой

Публикуется впервые.

Датируется по содержанию и сопоставлению с телеграммой Толстого Крандиевской от 20 июля 1935 г. (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 112, л. 21).

¹ Первое издание «Петра Первого» (1-й части романа) на английском языке осуществлено в 1932 г. (London: Mathews a. Maggot). С этим же издательством Толстой заключил договор на издание 2-й части романа, которая вышла в 1936 г. В Ленинград Толстой вернулся 22 июля 1935 г.

² Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (1891—1945) — русская поэтесса. После революции жила во Франции, постриглась в монахини (под именем «Мать Мария»), участвовала в движении Сопротивления, погибла в Равенсбрюке. С Толстым Кузьмина-Караваева познакомилась в 1912 г. в Петербурге (см. в наст. книге Дневник Толстого 1911—1914 гг.). О дочери Кузьминой-Караваевой — Гаяне см.: Крандиевский Ф. Ф. По дорожкам детскосельских парков. — Звезда, 1984, № 3, с. 70—71.

³ Вероятно, имеется в виду А. Л. Дымшиц, племянник С. И. Дымшиц-Толстой.

⁴ Данила Яковлевич Грач — вероятно, комендант порта (в телеграмме от 20 июля 1935 г. Толстой сообщал жене: «Встречай 22 утром, пароходом „Кооперация“. Разрешение в порт получи у Грача» (ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, № 112, л. 21)).

⁵ Пьеса «Петр Первый» шла в Лондоне в театральный сезон 1936/37 г.

⁶ Поездка не состоялась, так как в августе 1935 г. Толстой и Крандиевская расстались.

⁷ Мстислав Валерьянович Добужинский (1875—1957) — художник, член объединения «Мир искусства». С 1925 г. жил в Литве, в 1935—1939 гг. работал в театрах Парижа и Лондона, в начале второй мировой войны переехал в США. О знакомстве Толстого с Добужинским вспоминает С. И. Дымшиц-Толстая (см.: Воспоминания, с. 50).

17/I 1940.

Милая Туся, спасибо тебе за хорошее письмо. Я очень рад всем вашим семейным событиям, и тем, что у вас прекрасная дача, и тем, что у тебя внуки. Тяжелые времена преходящи. А мы — такое поколение людей, которое ничем уже особенно не напугаешь. Правда — главное впереди. Я думаю, что этим летом Европа будет ареной неизъяснимых ужасов, а если втянется Америка — то затрепщит весь мир. Ясно одно — старый мир кончен, он переходит огненную, кровавую реку со всеми последствиями такого мифического перехода.

Я очень порадовался Никите, в нем произошли большие перемены, он будет большим человеком, — у него сильный и здоровый инстинкт: готовить себя к новой, в очень большом масштабе, огромной жизни, которая придет на смену обезумевшему миру.

Митей я несколько встревожен. Может быть, в нем это оттого, что он уже не ребенок, но еще и не юноша, — но он рассеян, он не видит жизни и как будто не интересуется ею, да и музыку он любит как-то рассеянно, в нем нет, — или еще нет, — сосредоточенной страсти к искусству, он одержим, но одержимость без светящегося и уплотненного центра.

Я нахожу в нем много сходства с собой, когда я был в его годах, я тоже поздно развивался (в этом отношении Никита на меня не совсем похож). Но я был всегда о себе более чем скромного мнения, я считал себя сереньким человеком (и наверно был им тогда) и страстно влюблялся в ярких людей. Боюсь, что Митя удовлетворен собой, в нем мало самокритики и юношеского, наивного, но так нужного для всякой молодости самовоспитания. Боюсь, что это результат захваливания его. На некоторые натуры захваливание не действует, самокритика пробивается и делает свое дело, но у Мити самокритика ослаблена. Ему предстоит путь творца, художника, а искусства нет, если нет в человеке неумолимого и неподкупного судьи. Искусство, во время его созидания, — в самом процессе творчества, — непрестанно пробуете на собственный вкус, и этот внутренний вкус должен быть острый и объективный, как у хорошего дегустатора. Вкус к своим мыслям, к своим чувствам, к своим восприятиям: это пресно, это знакомо, это вяло, как мочалка, это отвратительно, а вот это — неожиданно, остро, это благоуханно и т. д.

Мите нужно самым серьезным образом заняться языками и чтением литературы в подлинниках. Наше поколение русских могло ограничивать знание языков диалектами международных вагонов, гостиниц и магазинов, но поколение наших детей будет жить в широком мире, и незнание языков будет означать для них осложнение жизненных возможностей; это будет даже непонятно и дико: как, вы не говорите и не читаете по-французски, английски и немецки? Почему? Вам ничто не мешало приобрести эти знания...

Лень? Отсутствие воли?.. Но этих слов, должно быть, и не будет в обиходе через десяток лет.

Я много работаю над третьей частью «Хождения по мукам», идет хорошо; но туго: первое — увеличенные требования, которые я предъявляю к этому роману, второе — трудность темы, третье — смена грандиозных событий, вторгающихся в жизнь, всякие общественные нагрузки, нездоровье — затянувшийся грипп, морозы в 45°. Все же в июне, июле первую книгу третьей части сдам в набор¹.

Поцелуй, пожалуйста, Никиту, Митю, Наташу² и внучку³.

А. Толстой

Впервые (частично): *Щербина*, с. 264.

¹ Первая книга третьей части романа «Хождение по мукам» — «Хмурое утро» — была напечатана в журн. «Новый мир» (1940, № 4—5, 8; 1941, № 1, 2, 4, 6—8).

² Наталия Михайловна Лозипская (р. 1915) — жена Н. А. Толстого.

³ Екатерина Никитична Толстая (р. 1939) — дочь Н. А. Толстого.